
Егор Медведев
Annuit Coeptis
или
Драконий интенсив

Annuit Coeptis или Драконий интенсив

Егор Медведев

Аннотация

Будни Влада были наполнены поисками острых ощущений, вечеринками и беззаботностью. Ровно до того момента, пока загадочная встреча с Артёмом, таинственным студентом, не открывает ему мир тайн и древних обетов.

Когда в небе появляются чудовища, а в бывшем пионерском лагере воскресают забытые легенды, Влад и его новые товарищи оказываются втянутыми в борьбу, где на карту поставлены не только их жизни… Сможет ли Влад, далекий от дисциплины и ответственности, найти в себе силы стать настоящим воином и узнать, что за силы таятся за словами "Annuit Coeptis"?

Приготовьтесь к захватывающему путешествию, полному загадок и испытаний! "Annuit Coeptis или Драконий Интенсив" — это история о взрослении, преодолении внутренних демонов и борьбе за своё место под солнцем в мире, куда возвращаются драконы.

Содержание

Пролог — 5
Глава 1 — 6
Глава 2 — 11
Глава 3 — 15
Глава 4 — 22
Глава 5 — 25
Глава 6 — 35
Глава 7 — 46
Глава 8 — 50
Глава 9 — 54
Глава 10 — 63
Глава 11 — 66
Глава 12 — 72
Глава 13 — 80
Глава 14 — 83
Глава 15 — 86
Глава 16 — 90
Глава 17 — 92
Глава 18 — 96
Глава 19 — 99
Глава 20 — 104

Пролог

ANNUIT COEPTIS ИЛИ ДРАКОНИЙ ИНТЕНСИВ

Артёму Ашанину, настоящему Воеводе, посвящается…

Я маску сорвал у жизни с лица
В надежде закончить игру…
Но бились в груди чужие сердца –
Горела свеча на ветру…

«Черные птицы» В. Белов

Глава 1

На берегу лета

Прошло беззаботное лето. Впереди – девять бесконечно-долгих учебных месяцев. Одногруппники Влада уже успели проститься с каникулами и с головой погрузились в учёбу: штудировали учебники, выискивали ответы на каверзные вопросы, аккуратно записывали их в специально заведённые тетрадки и берегли до сессии пуще зеницы ока.

А Влад – нет. Он не спешил отпускать лето. И оно ещё не отпустило его.

Слишком многое осталось несделанным: планировали прыгнуть с парашютом – не сложилось; хотели в горы – не нашли времени; под парусом ходили – и то всего раз. Было ощущение, будто жизнь промелькнула рядом, а он остался на берегу, с обидой и в недоумении.

Теперь его друзья почти всё свободное время проводили в клубах: пиво, девчонки, бессмысленный смех. Влад быстро влился в такую жизнь. Почему бы и нет? Молодой, здоровый, уверенный в себе. Девушки липли к нему, а судьба будто благоволила – всё сходило с рук. Учиться он не особо стремился, но обладал отличной памятью. Мог и не конспектировать лекции: стоило пару раз послушать – и уже пересказывал их лучше тех, кто корпел ночами над тетрадками. Это бесило преподавателей и раздражало однокурсников.

Наверное, Влад мог бы быть отличником. Но его «патологическая» лень и «эпатажные» выходки, как говорила Антонина Павловна, мешали. По сути – обычный пофигизм, приправленный врождённым упрямством.

Преподаватели нередко ставили на нём крест. Прожигатель жизни, разгильдяй, будущий «асоциальный элемент». Некоторые называли его вором. Влад давно перестал реагировать. У него выработался стойкий иммунитет к чужому мнению. Всё, что извне, он пропускал сквозь себя, как воду через сито. Но внутри, глубоко, где-то на дне – оставалась жгучая, немая обида.

Он не был безнадёжным – по любимым предметам держался на четвёрках и даже пятёрках. Но там, где требовались усилия, усидчивость, системность – он сыпался. Мог сидеть, смотреть в одну точку и вдруг почувствовать, как пропадает всякий интерес. Как будто кто-то внутри выключал рубильник: щёлк – и всё.

Несколько раз его едва не отчислили. Родители с трудом отстояли – связи, звонки, уговоры. Университет скрипел зубами, но держал. А Влад только раздражался: зачем ему всё это?

Как можно учиться, когда за окном жизнь, когда на каждом углу происходит что-то интереснее матанализа? Молодость проходит – а ты сидишь и

пишешь контрольную по сопромату. Абсурд. Работать по специальности он не собирался – его сюда «засунули» родители. Отчаянно пытались передать династию. А он не хотел быть ни инженером, ни строителем. Вообще, он и не знал, кем хотел быть. Но точно не этим.

Первый раз, когда Влад почувствовал, что система его не принимает, он был ещё ребёнком. Тогда ему было десять. Он опоздал в школу – электричка, на которой он ехал с бабушкой из деревни, встала в поле почти на час.

Когда он забежал в класс – промокший, с охапкой репейников, – учительница, Валентина Семёновна, даже не выслушала.

– Ах вот ты как! Пока все работают – ты гуляешь? – глаза у неё были холодные, как лёд. – Стой и молчи.

Он начал объяснять – а она, не слушая, выставила его за дверь. На следующий день она позвала родителей. Влад стоял в коридоре, слушал разговор и впервые в жизни ясно понял: оправдания никому не нужны. Его уже записали в «трудные». Так и пошло.

После этого родители запретили ему ездить к бабушке, а учителя начали относиться настороженно. Кто-то жаловался на «влияние Влада на класс», кто-то – на поведение, которое он сам не мог объяснить. Один раз он не сдержался и просто ушёл посреди урока. Встал – и вышел. Потому что не хотел больше быть там.

Он знал, что это неправильно. Но он чувствовал, что если останется – сгорит. Тогда и началась его привычка всё делать наперекор.

Теперь он считал: если всё равно в тебе будут видеть плохого – будь им, но по-своему.

Как раз первую пару сегодня должен был вести Антибиотик – самый ярый его недоброжелатель. С лёгкой его подачи за Владом и закрепилась дурная слава. На самом деле его звали Виктор Эдуардович, но за страсть «лечить» студентов от «безделья и глупостей», студенты прозвали его именно так.

Именно с ним у Влада и случилась история, которая многое изменила.

Это было на первом курсе. Виктор Эдуардович слегка опоздал на пару – или, точнее, задержался. Как только вошёл, тут же попросил:

– Влад, будь добр, сходи за чертежами. Они на столе, ты сразу их увидишь. Вот ключ – если закрыто.

Влад нехотя взял ключ. Решил по пути заскочить в туалет – и покурить. После чего уже зашёл в лаборантскую за чертежами. Преподаватель недовольно посмотрел на часы, но ничего не сказал.

После пары Влада вызвали к завучу. Там уже сидел Антибиотик и группа преподавателей.

– Вот он, герой дня! – хмыкнул Виктор Эдуардович. – Подающий надежды. Только не те.

Антонина Павловна, завуч, посмотрела на него устало и строго. Сняла очки, провела рукой по лицу.

– Влад… Ты учишься на престижной специальности, в одном из лучших университетов города. Родители у тебя – золотые. Что же тебе ещё не хватает?

Он молчал. Стоял, будто каменный, с колотящимся сердцем.

– Виктор Эдуардович считает, что ты украл у него деньги. Пять тысяч рублей. Из его куртки. Из кармана.

Влад вскинул голову. Внутри всё бушевало – но снаружи он оставался спокойным.

– В правом? – почему-то вдруг спросил он. – Это бред.

– Правда? – подался вперёд Антибиотик. – А откуда ты тогда знал, в каком кармане они лежали?

И тут Влад понял, что влип. Он действительно видел оттопыренный правый карман. Мельком. Подсознательно отметил – и проговорился.

Он пытался оправдаться. Сказать, что ничего не трогал, что, может, сам преподаватель забыл, куда положил, но никто не слушал.

Сердце колотилось. Ладони стали влажными. Он сжал кулаки, чтобы не выдать дрожь. В голове шумело. Он чувствовал, как лицо заливает жар, а в груди копится – не страх даже, а… бессилие.

Он смотрел на лица учителей – холодные, закрытые. А ведь среди них были и те, которые были ему, Владу, симпатичны. И он понял: всё уже решено. Он – виноват. Потому что он – Влад. Потому что от него этого и ждут.

«Тогда зачем оправдываться?» – мелькнула мысль. Он выпрямился.

– Не брал я ничего. Хотите – верьте, хотите – нет. Ваше дело!

Голос дрогнул на последнем слове, но он сдержался. Развернулся и вышел.

Сзади раздался визг завуча:

– Мы тебя не отпускали!

Но он уже захлопнул дверь.

Он так и не узнал, нашлись ли деньги. Да и не спрашивал. Его уже давно научили: если тебя записали во «виноватые» – всё остальное не имеет значения.

– Не пойду к нему сегодня на пару, – подумал Влад. – Лучше посплю, пользы больше будет.

Только поспать ему не дали.

– Ты почему ещё в постели? – удивилась мать, заглянув в комнату с чашкой

чая в руках.

– Нам сегодня ко второй паре, – буркнул Влад и отвернулся, но тут в разговор влез Славка, младший брат, как всегда, с вечно-чистой совестью.

– Всё он врёт! – громко заявил он из коридора. – Сам вчера говорил, что с утра занятия. Просто у него Антибиотик урок ведёт – вот он и не хочет идти!

Владу захотелось треснуть братишку по голове. Вечно влезает. Маменькин любимец. Всегда под рукой, когда надо кого-нибудь сдать.

– Быстро одевайся! – уже без обсуждений сказала мать. – И заодно поможешь Славке самолёт дотащить до школы.

Влад нехотя поднялся, зевнул и побрёл в ванную. По пути дал Славке лёгкую затрещину по затылку – беззлобную, но показательную.

– Мама! Чего он?! – тут же заверещал Славка. – Скажи ему!

Мать тяжело вздохнула из кухни, но ничего не сказала. Видимо, тоже устала быть арбитром.

Славка учился в пятом классе 108-й школы – в той самой, где когда-то учился и Влад. Только в отличие от старшего брата, Славка обожал учёбу. Может, дело было в нём самом, а может – в Регине.

Регин, Александр Александрович, вёл у них труд и кружок авиамоделирования. Настоящий энтузиаст. Вместе с ребятами он клеил модели самолётов – от простых планеров до копий истребителей, которые действительно летали. Их работы занимали призовые места на городских выставках. А когда школа заканчивалась, они всей толпой шли с ним на поле запускать модели – или даже просто змеев.

Славка был без ума от этого. Он жил идеей, говорил, что хочет стать лётчиком. У него горели глаза, когда он рассказывал о «воздушных боях» и «тяговом коэффициенте». Влад не всегда понимал и половины слов, но слушал – потому что в этот момент Славка становился другим. Настоящим.

Сегодня они тащили через двор школу очередной шедевр – огромную модель бомбардировщика С-22. За размеры и тяжесть люди прозывали его «Ильёй Муромцем». Влад помогал, скривившись – это был почти чемодан с крыльями. Брат уверял, что если Регин даст нужный совет, то «Илья» обязательно взлетит.

– Он слишком тяжёлый. Не полетит, – скептически буркнул Влад, с трудом удерживая конструкцию от перевеса.

– У Алексан Александрыча полетит! – отрезал Славка. – Он сам так сказал! Он всё может.

Старший брат покачал головой. Его в детстве никто так не вдохновлял. Не было такого человека, кому бы он верил безоговорочно.

Они дотащили самолёт до мастерской, занесли внутрь. Регина пока не было. Влад вышел на улицу, глотнул свежего воздуха, посмотрел на часы. Надо было где-то побродить час-полтора – так, чтобы не «светиться». Всё-таки, он твёрдо решил: на пару к Антибиотику – ни ногой.

Он вышел за территорию школы и почти столкнулся с Артёмом.

Тот учился на курс старше, тоже в Политехе. До этого они почти не общались – разве что кивали друг другу в коридоре. Влад собирался пройти мимо. Но вдруг, неожиданно даже для себя, остановился:

– Привет, – сказал он.

Артём повернулся и улыбнулся – открыто, по-человечески. Улыбка у него была странная – спокойная, как будто он всё знает. Но при этом не раздражающая.

– Привет, – отозвался он. – Брата провожал?

– Ага. Самолёт у него огромный – не донёс бы, – машинально объяснил Влад и тут же одёрнул себя. С чего это он перед ним распинается?

Он нахмурился, скрестив руки на груди, и решил вернуть инициативу.

– А ты чего тут? Пары-то уже начались.

Артём не ответил. Он смотрел в окна школы, будто кого-то искал. Влад подождал пару секунд, пожал плечами и пошёл дальше. Но, отойдя шагов на десять, обернулся – сам не зная зачем. Артём всё так же стоял, как вкопанный, и смотрел в то же место.

Что-то в этом было странное.

Влад мотнул головой и ускорил шаг.

– Чокнутый, что ли, – пробормотал он себе под нос. Но почему-то чувствовал: это не последняя их встреча. И ничего хорошего она не принесёт.

Глава 2

Там, где кончается небо

Небо было малооблачным, чистым. Его ненавязчивая безмятежность невольно передавалась и Георгию, наполняя душу гармонией, умиротворением и такой же кристальной ясностью. Здесь, наверху, был другой мир – тишина, первозданная лёгкость, невесомость бытия.

Ровный гул моторов стал частью Георгия – как биение сердца, как кровь в венах. Без него он уже не представлял себя. Он пил глазами пьянящую синеву, и сам себе казался орлом – не из сказки, а настоящим, боевым, чутким к границам своих владений.

Сегодня он патрулировал участок не один – рядом с ним в воздухе висели два «желторотика». Молодые, зелёные, едва облетавшиеся. Их нужно было ставить на крыло.

– Держись ровнее, тебя сносит на меня! – голос Георгия с трудом пробивался сквозь шорохи эфира, теряясь в шуме помех и треске динамика. – Третий, не отставай!

«Желторотики» держались сзади и сбоку, клином. Почти равнобедренный треугольник. Почти – потому что углы всё время плавали, геометрия постоянно рассыпалась. Один то снижался, то заваливался вбок, другой «клевал носом».

– Федотов, ты там не уснул на штурвале? В штопор уйдёшь к такой-то матери! – сквозь зубы выругался Георгий.

Он знал, что товарищи-инструкторы халтурят. Ускоряют подготовку. Оно и понятно – война. Но в его годы с таким налётом близко к боевой машине не подпустили бы.

– Завершаем облёт и возвращаемся на базу! – приказал он.

Пока всё было спокойно. В воздухе – тишина, на земле – ни движений, ни техники. Сектор считался «тихим». Именно сюда отправляли молодых: чтобы привыкли, чтобы в бой не рвались сразу. А те – наоборот. Обижались, что их не бросают сразу под Сталинград.

Вот и приходилось Георгию, капитану шестой воздушной армии, вкладывать им в голову, что война – это не романтика. Это терпение. Холодный расчёт. Ответственность. Хотя сам он был не так уж и стар – всего за тридцать.

– Кажется, немцы! – подал голос Петренко.

Петренко – перспективный лётчик. Георгий видел в нём себя – того, молодого, пьянеющего от самого полёта. В нём ещё не успел поселиться страх. Только азарт.

Теперь и Георгий увидел приближающиеся точки. Три. «Юнкерсы» и «мессер». Он тихо выругался. Если бы за спиной были бывалые – можно было бы принять бой. А так…

– В бой не вступать! – рявкнул он. – Возвращайтесь за подмогой! Я их на себя отвлеку.

Он понимал, что помощи ждать нечего – не успеют. Но нужно было предупредить базу. И – хоть как-то увести противника от ребят.

Немцы открыли огонь. Пока – издалека. Больше как вызов. Вспомнилась Испания – когда сами фашисты прятались, едва завидев советские «И-16». Времена сменились.

И тут он понял, что Петренко – не слушает. Его самолёт пошёл в лоб, лопасти запели. Он уже стрелял.

– Вернись! Это приказ! Немедленно! – Георгий орал в рацию, едва не срывая голос. Всё было зря. Федотов тоже бросился в бой. Оба – бездумно, как мальчишки в уличную драку. Командир стиснул зубы. Всё летело к чёртям. Неподчинение приказу в военное время это – трибунал. Конечно, под расстрел он их не отдаст, но, если удастся вернуться живыми, обязательно накажет, на две недели отстранит от полётов! Но теперь, не бросать же их!

Но он не мог. Не мог бросить.

Капитан взял курс на «мессер», который шёл, как и он, посреди клина. Его лёгкий «ишачок», уклоняясь от пулемётных очередей, направился в лобовую. Вся надежда была на манёвренность и пушки. Если упустить «мессер», тот уйдёт на недосягаемую высоту и будет расстреливать их по очереди, как куропаток.

Георгий открыл заградительный огонь. Попасть было практически невозможно, но попытаться стоило. Надо было подойти ближе, совершить крутой вираж и сесть на хвост. Краем глаза он заметил дымящийся «юнкерс», вращающийся вокруг своей оси. Зря он, наверное, ругал инструкторов – птенцы-то уже умеют клеваться!

И ещё он понял: они попали. Серьёзно и основательно. За разведчиками шли шесть бомбардировщиков и три сопровождающих истребителя. Наверняка летели бомбить аэродром. Размышлять было некогда – задачу они с треском провалили: проморгали противника, штаб не предупредили. Оставалось одно: попытаться остановить их своими силами или смыть позор кровью. Чем меньше бомб долетит до базы – тем лучше.

Хорош, гусь, размечтался! Ладно юнцы, но ты-то… стреляный воробей!

Георгию удалось развернуться и выпустить очередь по «мессеру». Пули прошли по обшивке правого крыла, не причинив, однако, заметного вреда. Немца качнуло, но он выровнял машину и резко пошёл вверх, почти

вертикально. Теперь его было не догнать.

Сзади уже открыли огонь подоспевшие истребители. Положение становилось критическим. Коваленко огляделся – его ведомые ещё держались. Ничего, поживём ещё. Злая волна холодом прошлась по телу.

«Хорошо, что это случится в небе, – вдруг спокойно подумалось ему. – Ребят жалко, конечно, жизни ещё не видели…» Но смерть в воздухе не казалась ему такой уж страшной, как если бы на земле.

«Здесь мы в своей стихии, в своём мире. По ошибке родились внизу – но умрём там, где и должны. Пусть небо примет нас. Пусть мы останемся в нём навсегда. Но пусть и не уйдём одни…»

Капитан сам не знал, к кому обращается. Не к Богу – его нет. Наверное, к самому небу.

Маневрируя, он сбросил скорость, подпустил вырвавшихся вперёд «мессеров» на дистанцию огня – и резко ушёл в пике. Те не отстали. Тогда он перевёл самолёт в восходящую спираль, и на выходе из неё наткнулся на выходящих из горки «сто девятых». Один из них завис в верхней точке прямо у него на прицеле, всего в сорока пяти метрах. Промахнуться было невозможно.

Разворачиваясь, Коваленко взглянул на падающий подбитый им «худой» и едва разминулся с Федотовым – тот спешил принять на себя второго. Резко задрав нос, Георгий поднялся и успел увидеть, как выше кружатся две птицы – «мессершмитт» и И-16. Коршун и ласточка. Петренко слишком высоко поднялся, на максимальную высоту. А немец не торопится – будто играет. Забавляется.

«Потерпи, Петя. Сейчас подойду. С немцем в манёвры затеялся… Эх, хоть бы один бомбардировщик сбить! Их сейчас прикрывает лишь один «мессер». Вот бы втроём карусель им устроить…»

Но что это?

Коваленко тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Показалось, что впереди летит… змей. Огромный. Самый настоящий змей-Горыныч, ей-богу. Прямо как у бабушки в сказках. Только у того было три головы, а у этого – одна.

Капитан не верил глазам. Вокруг бой – а тут это чудо-юдо! Интересно, он один его видит или остальные тоже?

Оказалось, не один. Один из «мессеров» открыл огонь и тут же был сожжён струёй пламени, вырвавшейся из пасти змея. Потом дракон рванулся на группу «юнкерсов», сбивая их на землю, ломая фюзеляж. Внизу грохотали взрывы, рвались бомбы, заливали склоны огнём. Кипел ад.

За полминуты вся немецкая техника была уничтожена. Змей ревел, яростно и хрипло, словно и сам страдал. Потом он резко развернулся – и оказался рядом с советскими машинами.

Взмах хвоста – и Федотов ушёл в штопор, потеряв управление. Упал, разбившись о скалы. Огромным крылом, шириной в три самолёта, дракон смял И-16 Петренко, подхватил его в воздухе и разорвал в клочья могучими лапами. Затем взмыл в небо – и исчез.

Всё произошло так стремительно и неожиданно, что Коваленко даже не успел осознать случившееся. Это не укладывалось в голове. Две минуты назад – были они и фашисты. Всё ясно. А теперь? Какое-то неведомое зло, которое только что уничтожило и врагов, и друзей.

Почему он ещё жив? Где сам дракон?

Почему-то вспомнилось как дочке было четыре, и она, вцепившись в его шинель, шептала:

– Пап, а не улетай сегодня, ну пожа-а-луйста…

– Работа, зайка. Я скоро.

Но в тот день он не вернулся – только через две недели. Она уже забыла, что плакала. А он – нет. И не простил себе. С тех пор всегда уезжал резко, без долгих прощаний. Чтобы не вцеплялись. Чтобы не вырывать сердце.

Ещё бы раз… хоть раз увидеть её лицо – вблизи. Не на фотографии. Без стекла…

И тут – тень. Мгновенная, как лунное затмение.

Капитан почувствовал удар. Самолёт несколько раз перевернулся и пошёл вниз. Он успел надеть парашют. Потоком воздуха его вырвало из кабины. Над ним раскрылось белое облако. За него-то и вцепился дракон – и потащил капитана, как безвольную куклу, в сторону леса.

Глава 3

Ветер меняет направление

Листья лежали под ногами пёстрым ковром. Хрустели, шуршали. Ворчливые дворники уже сметали их с дорожек парка, но налетал озорной ветер и снова разбрасывал их обратно. Дворники от этого только больше хмурились и ворчали.

А Влад шёл, никого не замечая. Даже дворников, раздражённых тем, что он тут ходит, мешает, помогает ветру расшвыривать листву.

В голове крутилась одна-единственная мелодия – вынырнула из детства, некстати… или кстати:

«Падают, падают листья в нашем саду…»

Дальше слов он не помнил, но эта строка застряла в памяти, как заноза, и вертелась на языке.

«Падают, падают листья…»

Чтобы отвлечься, Влад попытался сменить ход мыслей. Интересно, где сейчас их старый проигрыватель? Наверное, валяется у отца в гараже, пылится на верхней полке. А раньше стоял в зале – гордость семьи. Вечерами его включали, слушали, спорили, кто лучше поёт. Хорошо бы снова завести. Только иглы теперь не найдёшь…

Мысли неожиданно перескочили на Артёма.

Действительно, странный он. Влад попытался вспомнить, что знает о нём. Когда он учился на первом курсе, Артёма в университете не было. Появился внезапно – сразу на третьем. Говорят, перевёлся из Москвы. Отличник, любимец преподов. Ясно, что без плотных связей – не обошлось.

Что ещё?

Не пьёт. Не курит. Почти ни с кем не общается. Мяса не ест. С девушками не водится. Ботан, вроде бы. Только здоровый. Пятерых четвёрокурсников уложил, когда те до него докопались. С тех пор – ни один к нему не лез. Влад подумал: если бы он кого-нибудь так поколотил – его бы уже давно выкинули из универа. А тут – тишина. Всё гладко. Несправедливо.

И вообще – что он делал возле школы? Тоже брат есть?..

– Влад, почему опаздываешь? Пара уже идёт! – раздался резкий голос. – Теперь без серьёзных причин я тебя на занятие не пущу!

«Больно надо…» – лицо Влада непроизвольно скривилось. Антибиотик. Ну как так? Собирался же прогулять. Задумался, а ноги сами привели прямо в университет. Разгребай теперь.

«Пара уже идёт…» – мысленно передразнил он Виктора Эдуардовича. «А ты

сам почему не там, а здесь?»

Конечно, вслух ничего не сказал. Стоял, уткнув взгляд в пол, и молча сносил поток привычных обвинений.

– С начала учебного года ты не был ни на одном моём занятии. Как ты собираешься сдавать экзамены? На собрании я подниму вопрос об отчислении! Ты отсюда вылетишь – вопрос времени. Я тебе это обещаю!

– Извините, Виктор Эдуардович! – раздался незнакомо спокойный, уверенный голос.

Артём.

Взгляд Антиботика метнулся к нему. Влад тоже удивился – откуда он тут взялся?

– Влад задействован в постановке и помогал мне с декорациями, – сказал Артём спокойно.

– И, скажите, с самого утра нужно было этим заниматься? – прищурился Антибиотик.

– Конечно. Спектакль уже через неделю, а работы – хоть отбавляй. Хорошо ещё, что Влад согласился помочь.

– Вы бы на него не слишком полагались, Артём, – ответил доцент, неожиданно перешедший на «вы». Он всегда ко всем обращался на «вы». Кроме Влада.

– В самый ответственный момент он вас подведёт. Он даже к собственной судьбе не может относиться серьёзно. И вам, Артём, следовало бы поставить меня в известность, прежде чем забирать Влада с пары. Я бы не ставил ему “н”. Хотя… если он не подтянет сопромат – это уже и так не имеет значения.

С этими словами Антибиотик развернулся, сунул журнал под мышку и, не прощаясь, ушёл по лестнице вверх.

От сердца отлегло. Влад, конечно, был рад вмешательству Артёма, но зачем было вписывать его в какой-то спектакль? Это он ему сразу и высказал, как только Антибиотик исчез с поля зрения. Но Артём лишь спокойно улыбнулся.

– Не хочешь участвовать – не участвуй. У меня и так хватает людей. На самом деле, от тебя нужна совсем другая помощь.

Ты говорил, у тебя в той школе брат учится? А труды у него кто ведёт?

– Регин. Александр Александрович, – не понимая, к чему всё идёт, ответил Влад. – Он ещё на кружок авиамоделирования ходит.

– Отлично, – Артём расплылся в довольной улыбке. – А ты сам его хорошо знаешь?

– Ну да, нормальный мужик. Помешанный только на авиации. Говорят, где-

то на даче настоящий самолёт строит, хочет полететь на нём. Не знаю, насколько правда, но модели у него – высший класс. Славка от него без ума.

– А занятия у них по каким дням?

– Что, тоже хочешь к нему? – усмехнулся Влад. – Опоздал. Он работает только со школьниками. Я в девятом был, когда он у нас начал вести. Пока мы на трудах напильником круглые болванки в прямоугольники превращали, те клеили планеры и резали по дереву. Как мы им завидовали! Просили поменять учителя, но без толку. К нему и тогда ребята постарше хотели попасть, но он никого не брал. А занятия… да нет у него расписания. Как договорятся. Вот сегодня, например.

– Жаль, что взрослых не берёт, – Артём слегка помрачнел. – Ладно. Слушай, приходи вечером с братом ко мне на тренировку. Я со Славиком поговорю, может, что и выйдет. Вдруг можно будет попасть к Регину. По-другому.

– Хорошо, – почему-то ответил Влад. Наверное, потому что чувствовал себя обязанным за отмазку. – А что у тебя за тренировки?

– Да так… что-то вроде исторического фехтования. Клуб по интересам. Придёшь – сам увидишь. В пять, в Екатерингофе, возле стадиона. Знаешь?

– Знаю, был там пару раз.

– Отлично. Тогда до вечера!

Влад только махнул рукой. Далековато тащиться… скажу, что не получилось. А пока – надо подумать, где провести этот час: теперь-то его официально отпустили.

***

Влад забирал Славку с кружка. Тот был в хорошем настроении, хотя и немного расстроен – их самолёт так и не взлетел.

– Как ты узнал, что он не полетит? – допытывался он. – Сан Саныч сказал, он слишком тяжёлый. Но он же бомбардировщик, он и должен быть таким! Он ещё сказал, что не всё потеряно – посмотрит, что можно переделать. Тогда мы к нему мотор прицепим и будем с пульта управлять!

Славка мог говорить без остановки, часами. Влад понимал, как брат расстроен – столько сил вложено в этот С-22, – но выслушивать длинный монолог после тяжёлого учебного дня… не было ни сил, ни желания. Чтобы хоть немного притормозить поток, он спросил:

– Музыку будешь?

– Ага, – послушно кивнул Славка. – А какую?

Влад уже распутал наушники и вставил одно «ухо» брату, другое – себе.

– Какая выпадет.

Чтобы амбушюры не выскакивали от шагов, он приобнял Славку за плечи. Так и пошли, обнявшись. А в наушниках заиграла «Ария»:

Война гонит ветер ужаса, пепел веков и дней.

Судьба вещей птицей кружится над головой моей.

Время, как змей, вьётся вокруг себя,

В книге смертей будет глава моя.

Дух оставил плоть, но покоя нет,

Я хочу сберечь заповедный свет.

Я – хранитель свеч на границе Тьмы,

Свет ковал мой меч для своей войны.

Меченый злом, мёртвым огнём,

Лоб твой горит, и не скроешь клейма,

Меченый злом, в сердце пустом

Спрятался страх, тени сводят с ума…

Он не сразу вспомнил про обещание Артёму. Пришли домой, поели. Славка сел за тетради. Отец залипал в боевик в зале, мать застряла в «Одноклассниках». А Влад? Не уроки же делать…

И тут всплыло в памяти приглашение.

– Славка, пойдём, съездим в одно место?

– Куда?

– Понравится, – улыбнулся Влад.

– Не, не могу, – отмахнулся брат. – Уроки делать надо.

“Ну и отлично. Что и требовалось.”

Влад накинул ветровку, затянул кеды.

– Влад, ты куда? Уже темнеет! – донёсся голос матери из кухни.

– Скоро буду. Артём пригласил.

– Какой Артём?

– Ну, ты его знаешь. На третьем курсе учится.

– А, Коваленко? Хороший мальчик. Только позвони мне от него, когда дойдёшь. И не задерживайся!

К месту Влад приехал поздно – тренировка уже закончилась, и ребята плотно укутывали деревянные мечи в ткань.

Артём первым подошёл к нему.

– Один?

– Да, – кивнул Влад, объясняя отсутствие брата. – Уроков много задали. Сидит, делает.

– Жаль. Ладно, познакомься пока с ребятами. Это Стас, Алихан…

Артём подводил к каждому, и Влад со всеми здоровался за руку. Всего их было двенадцать: пятеро – примерно их возраста, остальные – помладше. Самому младшему было, наверное, лет четырнадцать.

– Вот здесь мы иногда занимаемся, – сказал Артём, обводя стадион рукой. – Наше будничное ристалище. Так, для формы. Основные занятия – по выходным, за городом.

– Всё! Тренировка окончена! – громко обратился он к остальным. – Следующее занятие в субботу, на базе. С ночёвкой. Позже всем позвоню, скажу, кто что берёт. Встречаемся на вокзале, полдевятого, как обычно.

Ребята разошлись, пожав на прощание руки. А Артём, стягивая рюкзак на плечо, предложил:

– Ну что, раз уж пришёл – заглянем ко мне?

Жил Артём недалеко от парка – добрались пешком за двадцать пять минут. Всю дорогу Влад молчал, временами бросая скупые «угу» и «ага». Внутри кипело.

«Зачем я вообще ввязался? Натуральный детский сад. Кольчуги, доспехи, деревянные мечи…»

А Артём вдохновлённо рассказывал про бастарды-полуторки, кольчужные плетения, и про то, как ПВХ-луки заменяют деревянные. Влад уже хотел извиниться и уйти, сославшись на срочные дела, но было поздно.

– Вот мой дом!

Поднялись на верхний этаж. Света в парадной не было, и Артёму пришлось повозиться с замком. Квартира встретила Влада проломом в стене – прямо на кухню.

– Не обращай внимания, ремонт. Когда-нибудь доделаю, – усмехнулся Артём и нырнул в проход. – Проходи, располагайся. Я пока арбуз помою!

Пока он возился на кухне, Влад прошёл в гостиную, нашарил выключатель –

и обомлел.

На всех стенах, занавешенных коврами, висело оружие. Как в музее. Отблески лампочки, свисающей с потолка на проводе, перебегали по лезвиям сабель и мечей. Влад не сдержал восхищённого возгласа. Он не был фанатом холодного оружия, но – какой мужчина останется равнодушным при виде такой коллекции?

– Нравится? – в проёме появился Артём с подносом, на котором покоился гигантский арбуз. Поставив его на стол, он снял со стены длинный изогнутый нож в потёртых ножнах.

– Мачете? – Влад видел что-то похожее в фильмах.

– Нет, – чуть обиделся Артём. – Где ты видел, чтобы мачете так украшали?

По лезвию шла затёртая, но всё ещё заметная витиеватая гравировка – настоящее произведение искусства.

– Кукри. Меч бога Шивы, – пояснил Артём.

Он легко взмахнул – и попка арбуза отлетела на стол.

– Хорошо рубит. И режет тоже, – он ловко разделил арбуз на дольки. – Угощайся.

Пока Влад приговаривал арбуз, Артём рассказывал о коллекции.

– Дед у меня был большим любителем клинков. С войны много чего привёз. Вот, например – пуукко, финка. А вот – немецкий траншейный нож. А это – моя любимая. Мизерикордия.

Он протянул кинжал Владу. Лёгкий, тонкий, что-то среднее между стилетом и иглой. Четырёхгранное лезвие, тридцать сантиметров, без гарды.

– Настоящая? – восхищённо спросил Влад.

– Конечно. Такой клинок был у всех госпитальеров. Им добивали раненых. Милосердный удар – coup de grâce.

– У тебя тут музей, – искренне восхитился Влад, возвращая клинок. Его взгляд упал на шкаф, где в ножнах покоилась катана. – А вон та тоже настоящая?

– Это не катана, а её предок – дайто. И нет, она не настоящая. Больше половины – муляжи. Это уже я сам покупал. Деду были интересны только европейцы. Настоящее древнее оружие – вон там.

Он подвёл Влада к витрине. На бархатной подложке – ржавая, вытянутая пластина металла.

– Как сказано в бумагах – скрамасакс. Остатки. Девятый век. Или восьмой. Дед за него состояние выложил.

Глаза разбегались. Влад вглядывался в детали, пока взгляд не упал на извивающийся, как змея, гигантский меч. Явно современной работы.

– Можно подержать? – осторожно спросил он.

– Конечно. – Артём снял меч. – Это копия фламберга. Пламенеющего меча.

Влад взвесил его в руках. Тяжёлый.

– За сталь не хватайся. Следы оставишь, – заметил Артём. Влад ничего не ответил, но внутри на секунду вспыхнуло раздражение. Захотелось – хоть мысленно – дать ему этим мечом по башке.

А Артём продолжал, будто ничего не заметил:

– Говорят, таким был вооружён сам архангел Михаил. В руках мастера – это было страшное оружие. Даже лёгкое ранение могло стоить конечности. Со временем от него отвернулись. Из святого оно стало дьявольским.

Влад ещё раз взглянул на хищное лезвие. Представил, каково было бы выйти против него. Да, внушает. Да, страшно. И какой же силой надо было обладать, чтобы размахивать этой махиной!

Коллекцию можно было рассматривать весь вечер, но на улице уже стемнело, и Влад понял, что пора уходить. Мать наверняка волнуется. Да и на трамвай ещё надо успеть.

Артём, провожая, напомнил:

– В субботу зайду за вами. Посмотрите, как мы живём. Только про оружие – никому… сам понимаешь.

Глава 4

Именем огня

Георгий очнулся от лёгкого подёргивания за плечо. С трудом разлепил глаза – засохшая кровь слиплась на лбу, залипла в ресницах. Он лежал на камнях у подножия невысокой горы. Вокруг – лес, плотный, как щетина. Парашют трепыхался рядом, изодранный в клочья, как флаг на ветру. Один край его был зажат под валуном.

Ныла нога. Тупо, глухо, но с каждым движением всё сильнее. Трещина? Перелом?

Он нащупал пряжку, отстегнул карабин, попытался подняться – и тут же едва не потерял сознание от боли. Сустав словно вспыхнул огнём.

Стиснув зубы, капитан задержал дыхание.

«Не поддаваться. Ни в коем случае. Меня найдут. А не найдут – сам дойду. Доползу…»

С трудом перевернулся на живот, аккуратно переложил больную ногу. Крови не было – значит, не открытый перелом. Уже плюс. Можно жить. Нужно подняться повыше – осмотреться, найти ориентиры, понять, в какую сторону двигаться.

Он начал ползти.

Рельеф был тяжёлый: острые камни, гравий, обломки валунов. Каждое движение отдавалось в бедре вспышкой боли. Мышцы гудели от напряжения. Георгий дышал коротко, как при марш-броске. Пот заливал лицо. Под ногтями – грязь и хвоя.

«Я ведь уже бывал в горах…» – всплыло неожиданно. – «Тогда, в Хибинах. Юдычвумчорр. Тоже полз. Только был моложе, и сломанной ноги не было.»

Он вспомнил, как в юности провалился в расщелину, где просидел несколько часов. Тогда его нашли. Сейчас – никто не ищет.

Сейчас он сам себе спасатель.

Полз. Метр за метром. Дыхание сбивалось, сердце гулко било в висках.

Небо над головой становилось всё гуще – серое, свинцовое. Ветер усиливался, гнал облака вдоль хребта.

Он остановился перевести дух. Под ладонью – мох, сырой и холодный. Рядом просачивался ручей. Глотнул воды – ледяной, с каменным привкусом. Повернул голову. Солнце уходило за вершины.

“Скоро ночь. Если не найду укрытие – замёрзну. Останусь здесь – умру.”

Он поднял глаза – и понял, что не один.

Глухой, утробный рык заставил его замереть. Гребень… двинулся.

Через секунду перед Георгием выросла морда. Огромная. Глаза – чёрные, немигающие. Клыки – с локоть длиной. Ноздри – как пещеры. Всё в этом существе дышало яростью и смертью.

«Не в небе… Всё-таки на земле.»

Он встал. Несмотря на сломанную ногу. Несмотря на то, что организм вопил – «ЛОЖИСЬ!».

Он встал. Потому что не умрёт на коленях.

Зубы скрипели. В глазах темнело. Но он стоял. И смотрел дракону в глаза.

“Ты меня убил. Но не победил.”

Они молчали. Мгновение длилось, как вечность. Потом… пасть слегка приоткрылась – и Георгий понял, что чудовище улыбается.

– Что за удивительная встреча, – проговорил голос. – Дракон и Георгий. Символично, не находишь?

Он говорит. Он умеет говорить.

– Кто ты? – выдохнул Георгий.

– Сейчас не это важно. Сейчас важнее – кто ты. Я спас тебе жизнь. И теперь ты мне должен.

– Ты убил мальчишек! – голос у Георгия хрипел. – Я не просил тебя вмешиваться!

– Они бы всё равно погибли.

– Ещё не известно!

– Ложь. Ты сам это знаешь. Это был тупик. Ты не справился. Я просто вмешался – и теперь даже не уверен, чем за это заплачу. Честно – было бы проще, если бы ты умер. Но раз ты жив – слушай.

Он приблизился. Камни трескались под его лапами.

– Я спас не только тебя. Я спас и тех, кто остался на аэродроме. Теперь мне нужна услуга.

Пауза. Ветер.

– Скоро тебя найдут. Добудь Грам. И принеси его мне. Он должен быть уничтожен.

– Что… за грамм? – Георгий не чувствовал губ. Голова кружилась. Всё плыло.

– Ты узнаешь его. Обязательно.

Принеси. Обманешь – проклянёшь день своего рождения.

Я растопчу всё, что тебе дорого.

А твоя Ксения… ей ведь скоро четыре, да?

Не подведи её.

Ты должен.

Должен.

Должен…

Георгий потерял сознание, ещё не упав.

Глава 5

Орлёнок спит

Не таким представлял себе пионерский лагерь Влад.

«Орлёнок» оказался заброшенным, забытым всеми – кроме одной бабки, что давно приютилась в одном из домиков, и пожилого сторожа. Правда, сторожом он себя не называл – предпочитал зваться просто «начальником лагеря». Целыми днями он сидел на завалинке и пускал дым. Все ключи от лагеря были у него.

Дядя Ваня, как его звали ребята, оказался человеком простым и бесхитростным. Очень обрадовался пакету с продуктами, что привезли ему из города, а вот к блоку сигарет отнёсся с порицанием:

– Зачем это? Химия одна! У меня только своё, природное!

И вправду: за его домиком раскинулась настоящая табачная плантация – разные сорта, разная крепость. Заваркой служили листья малины, мяты и плоды шиповника. На чай и табак он не тратился вовсе.

Пакет и сигареты он неспешно унёс домой, даже не разуваясь, а вернулся уже со связкой ключей.

– Располагайтесь, где получше, – передал он их Артёму. – Потом зайду, проведаю. Только не сорите и ничего не ломайте!

– Как обычно, дядя Вань, – улыбнулся Артём. – Остановимся там же.

– Да… и не пейте!

– Мы же спортсмены! – всё с той же улыбкой ответил Артём. – Как можно?

– Я знаю, – махнул рукой старик. И, спускаясь по тропинке, напоследок крикнул:

– Всё равно… не пейте!

***

Команда заняла большой, когда-то живописный домик, фасадом выходивший на заросшее выцветшей травой поле. Два окна грустно смотрели на это поле, словно вспоминая, как когда-то здесь звучал заливистый детский смех, проходили линейки и весёлые игры. А теперь – тишина. Тягучая, почти живая. Всё здесь дышало покинутостью. И как будто сама осень помогала этому: леса редели, птицы стихали, листья медленно кружились в холодном воздухе.

Домик имел две веранды. Одна – заколочена. Вторая – со ржавым замком.

Артём не без усилия провернул ключ, и вся компания разом ввалилась внутрь. Влад и Славка были здесь впервые, остальные чувствовали себя как дома. Видимо, всё было распределено заранее: никто не говорил лишнего, каждый сразу занялся своим делом. Кто-то пошёл за водой, кто-то – за дровами, кто-то расчищал место для костра.

Влад почувствовал себя неуместно и подошёл к Артёму:

– Мне чем помочь?

– А ничем! – пожал плечами тот. – Вы у нас впервые, гости, можно сказать. Осматривайтесь. Мы сейчас всё организуем.

Пока все занимались обустройством быта, братья отправились исследовать дом. Две комнаты, когда-то разделённые дверью – теперь просто широкий проём. В углу – самодельная лестница из вбитых в стену скоб, ведущих на чердак.

Наверху пахло пылью и сухими листьями. Посередине круглое окошко. Когда они поднялись, из-под потолка вылетели вспугнутые летучие мыши. В потолке – дыра, под ней – одинокое, помятое железное ведро. Рядом – пучки засохших трав, привязанные к балке. Влад почувствовал, как по спине пробежала лёгкая дрожь.

Когда спустились, пол в доме уже был вымыт, на улице горел костёр и над ним покачивался котелок.

– Выбирайте, кто где спать будет! – распорядился Артём. – Лучше пока светло.

Все стелили карематы прямо на пол и раскладывали спальники. Влад бросил свой у окна, затянутого многослойной плёнкой. Немного тянуло холодом, зато отсюда не было видно чердачного зева с его крылатыми обитателями.

– Ну что, разомнёмся перед обедом?

Артём уже собирал строй.

Впереди – трёхкилометровая пробежка до озера и обратно. Но не простая: с гусиной ходьбой, бегом с захлёстом, переменной скоростью и даже отрезком, где нужно двигаться на руках с поддержкой. Славка бежал наравне со всеми. Не жаловался. Не сбивался с ритма.

Влад с удивлением почувствовал лёгкую гордость за брата. Молодец он. Всё-таки – молодец.

Недалеко от лагеря, прямо в лесу, ребятами была сооружена самая настоящая спортплощадка: круглая арена, засыпанная песком, самодельные тренажёры, сколоченные из досок, веток и металлолома, где в качестве груза использовались камни разной тяжести. Но самое интересное – полоса препятствий. Система из верёвок, натянутых между деревьями, пеньков,

лестниц – вертикальных и горизонтальных. Всё это соединялось в сложную, но логичную сеть.

– Ух ты! – не удержался Славка и, позабыв про усталость, сломя голову рванул к верёвочной лестнице, ведущей на смотровую площадку.

Артём мягко, но жёстко его остановил:

– Подожди. Сначала – проверка. Безопасность – прежде всего.

Он обошёл всю систему, проверяя узлы, натяжение, страховку. Только когда убедился, что всё надёжно, разрешил начинать. Ребята тут же разошлись по своим местам: Алихан с Петькой – к шестам, Стас и Коля – к мишеням, Сашка – к самодельному «станку», где долбил пресс, а Славка со Стёпкой тут же оккупировали «тарзанку».

Каждый занялся своим делом – своим профилем, как называл это Артём.

Сам Артём подошёл к Владу с узким свёртком в руках.

– Держи. Это тебе.

По его лицу сразу стало ясно: момент – торжественный. Влад, конечно, не разделял всей помпезности, но развернул свёрток с должным уважением.

– Ничего себе… Из текстолита?! Когда ты успел?

Он держал меч на вытянутых руках. Тот был покрашен хром-краской, и издалека выглядел почти как настоящий. По центру клинка аккуратно тянулся дол, рукоять, обмотанная кожей, удобно ложилась в ладонь. Казалось, меч дышит в руке – зовёт в бой.

– Эфес – железный, – гордо добавил Артём. – Заказал токарям. Знал, тебе понравится.

Понравится – мягко сказано. У многих пока были лишь деревянные мечи, которые быстро изнашивались. А этот – выдержит годы тренировок. Влад поймал себя на том, что горд. И даже… благодарен.

– Ну что, испытаем? – предложил Артём. – Вижу по глазам – руки чешутся.

Он подвёл Влада к дереву, с которого свисали нанизанные шесть автомобильных покрышек.

– Знакомься. Это – Балда. Лучший тренажёр для отработки удара.

Влад с размаху ударил мечом. Покрышки упруго отразили удар, так что тот чуть не выронил оружие.

Артём рассмеялся:

– Меч держи крепче. И руби не рукой – всем телом. Дыхание – вперёд! С выдохом!

Он показал, как нужно. Удар – точный, резкий, со звоном в позвоночнике. Покрышки закачались.

– Давай теперь ты.

Через пару ударов у Влада стало получаться. «Балда» раскачалась, целиться стало сложнее, но именно это и было интересно. Вскоре Артём встал напротив, и вдвоём они начали наносить удары, один за другим. Глухой гул покрышек разнёсся по округе – даже сороки на верхушках деревьев встрепенулись.

После – все собрались на арене. Отрабатывали технику зажима меча противника между щитом и своим клинком. Время летело. Про обед вспомнили только когда желудки громко напомнили.

А потом – сборка доспехов, подготовка факелов. Осень быстро смеркалась, и бой при факелах манил всех. Славку, конечно, на ристалище не пустили, как он ни просился. А вот Владу – нашли кое-какую броню. Без понтов, но надёжную.

И Влад удивлял.

Он быстро схватывал стойки, моментально учился уворотам. Раз-два – и уже ловит финт, отвечает контратакой. Один раз – даже задел Артёма. Не по-настоящему, конечно, но все это увидели.

– Если бы не знал, что ты новичок, – сказал Артём, снимая шлем, – подумал бы, что ты минимум полгода уже с нами.

Из тебя выйдет настоящий боец. Тренируйся – и, возможно, уже на ноябрьской встрече с москвичами выставим тебя в основном составе.

Кому не приятно такое слышать? Особенно новичку.

Влад почувствовал, как его по-настоящему втянуло. Не в игру. В ритуал. В братство.

Здесь никто не спрашивал, кто он. Не вспоминали про долги, учёбу, скандалы. Здесь все были равны. И его приняли сразу – не за прошлое, а за то, как он держит удар.

Так размышлял Влад, неспешно возвращаясь в дом. Там уже горели свечи, мальчишки упаковывали снаряжение и доставали из рюкзаков припасённые пироги. Впереди был долгожданный чай у костра. Но перед чаем оставалось кое-что, и это было сделано специально для Славки.

Артём объяснил ему, что дружинное братство – это не просто компания друзей или вторая семья, где помогут и поддержат. Это ещё и ответственность. За товарищей. За себя. За свои поступки.

– То, что сойдёт с рук обычному мальчику, – говорил он, – дружиннику обернётся вдвойне. У воина есть свой кодекс. Не формальный, а внутренний. Его нужно знать, соблюдать и хранить. Всегда. Даже если никто не видит.

Готов ли Славка взять на себя такую ответственность?

Если да – значит, пора открыть первое правило.

Недалеко от лагеря теплился огонёк безопасной свечи. На фоне яркого костра он был почти незаметен.

– Пойдём, – сказал Артём. – Там тебя уже ждёт первое правило.

Славка подошёл, опустился на корточки и развернул листок, приколотый к земле стрелой. На нём было написано:

«Не лги. Никогда.»

– Оставаться честным и искренним в любой ситуации – очень сложно. Особенно в наше время. Поэтому это правило – первое. Нужно быть прямым. Как эта стрела.

Они двинулись ко второй свечке. Её бледное сияние уводило вглубь тёмных стволов.

«Не говори двух слов там, где ждут одного.»

– Это продолжение первого правила. Люди, которые много говорят, часто не раскрываются, а прячутся. Слушай между слов. Учись видеть суть. И помни: тебе цена – твоё слово.

Ищи третью свечу.

Славке пришлось повозиться. Он пару раз сбился с направления, но нашёл. На бумаге значилось:

«Не ищи покоя и бездействия. Будь там, где труднее.»

– Подумай над этим, – сказал Артём. – Завтра расскажешь мне, к чему приводит стремление всё упростить. И чем это оборачивается для мужчины.

– А всего правил сколько? – спросил Славка, уже чуть захваченный.

– Десять. Осталось ещё семь. Вперёд, времени мало.

Влад шёл чуть позади, не мешая. Ему, как ни странно, тоже было интересно: что за правила? что скажет Артём?. Наблюдать, как его брат проходит не игру, а почти настоящий обряд, было неожиданно волнительно.

Когда все десять свечей были найдены, они, сделав круг, вернулись к костру. Там их уже ждали.

Ребята выстроились в строй. Славку вывели вперёд. Артём, держа в руке свечу, произнёс:

– Как эти огоньки помогли тебе найти путь в ночи, так пусть эти законы ведут тебя по жизни. Помни их и не нарушай. Малодушие – тоже грех. Плата за него – всегда высока.

Он замолчал, и добавил уже строже:

– Теперь, когда ты ознакомлен с нашим Кодексом, скажи перед всеми: клянёшься ли выполнять его и придерживаться?

Славка расправил плечи, посмотрел на ребят – и твёрдо сказал:

– Клянусь!

– Сегодня ты хорошо проявил себя. Ты достоин стать Орлёнком – нашим младшим боевым товарищем. В память об этом дне и в знак признания прими этот значок. Носи его с честью.

Артём прикрепил к его груди старый металлический прямоугольник. На нём сверху – «Ленинград», – ниже – силуэт «Авроры» на алом небе, – ещё ниже – мальчик в будёновке, глядящий в светлую даль, – и в самом низу – крупное: «ОРЛЁНОК».

Такого Влад никогда раньше не видел.

Славка же просто светился. Сейчас ему дайте гранату – и он, не раздумывая, бросится под танк.

Хорошо быть ребёнком, подумал Влад. Нет ещё этого выжженного цинизма, этой усталости, что прячет глаза от будущего.

Сегодня – что-то переменилось.

Но надолго ли?

Он подошёл к Артёму, когда Славка хвастался значком:

– Где ты его нашёл?

– В прошлом году. Когда помогали дяде Ване разбирать старые домики. Хранил для кого-то достойного.

После обряда ужин показался особенно вкусным. Макароны с тушёнкой – будто из ресторана. Потом – чай. Сильный, крепкий, душистый, с дымком. Кто-то перебирал струны гитары. Каждый играл, как мог, и что знал. Без стеснения.

Когда гитару передали Артёму, он допил чай, принял инструмент, провёл по струнам. Помолчал. Подумал. И запел.

Я мечтаю летать, но шагаю по пыльным дорогам,

Не привыкну никак, что отныне мой жребий решён…

Не смирюсь никогда.

Я прибавлю гордыню к порокам!

Я найду избавленье. Я вновь покорю небосклон!

Я верну себе пламенный танец сверкающих молний!

Не пристало хозяину неба скрываться в глуши…

Ветер, стой! Хватит рвать мою совесть! Я вольный!

Эй, маэстро, послушай… Меняю судьбу… Я решил.

Пел он негромко, но все было прекрасно слышно, так как все разом замолчали, перестали стучать ложками и даже шуршать обёртками конфет.

Мы не люди,

Я всегда это знал, но не знал, как сказать…

Мы не люди,

И не наша вина

В том, что мы не умеем любить!

В нашей сути,

Да, конечно, маэстро, налейте вина…

В нашей сути

Вечный танец огня и попытка чего-то забыть1…

С последним аккордом по спине Влада пробежал неясный холодок. Захотелось… решительно что-то изменить. Не «с понедельника», не «когда будет настроение». С завтрашнего утра. Поступить не так, как всегда. Что-то начать по-другому. По-настоящему.

Вспомнились старые друзья. Если бы они были здесь – уже бы давно напились, и он с ними. Наверное. Или нет? Ведь тут было… иначе. Чище. Настоящее.

Песня закончилась, и Артём уже снова развлекал всех. Он доставал угли из костра – и держал их прямо на ладони. Без боли. Без страха.

– Сначала нужно подружиться с духом огня, – смеялся он. – А уж потом – каштаны таскать.

Кто-то попробовал повторить – и тут же отдёрнул руку. Обжёгся. Засмеялись. Всё было… по-доброму. Честно.

Потом посидели ещё немного. Посуда звякала тише, разговоры стали ленивыми. Один за другим мальчишки расходились по домикам. Завтра – ранний подъём.

Славка, как оказалось, спал уже давно. Прямо сидя. Влад бережно поднял его и повёл в дом. Уложил, прикрыл спальником. Остальные уже почти уснули. Дом дышал миром и усталостью.

Он был готов тоже лечь, но услышал голос Артёма:

– Влад… возвращайся. Боюсь, нам с тобой сегодня не придётся поспать.

А спать хотелось жутко. Только предстоящая интрига заставила Влада снова выйти из сонного домика, где его новые товарищи уже укладывались и засыпали один за другим. Что же такого задумал Артём?

Он застал его всё в той же позе: задумчиво ворошащего палкой угли, уставившегося в пляшущее пламя. Будто видел там нечто, недоступное взгляду других. Влад не стал нарушать молчание – просто сел напротив. Свет и тень вытягивали лицо Артёма, черты казались почти нереальными – острыми, словно вырезанными из камня.

На его появление Артём никак не отреагировал.

От нечего делать Влад обхватил колени и стал вглядываться в небо. Звёзд почти не было.

– Помнишь, ты спрашивал, зачем мне Регин? – вдруг произнёс Артём, не отрывая взгляда от огня.

Влад удивился. Он что, позвал его, чтобы пооткровенничать? Столько загадочности – ради этого?

Наверное, он подумал слишком громко – Артём бросил на него короткий взгляд и снова замолчал, будто передумал говорить. Чтобы не усугублять, Влад мягко повторил:

– Ну… так зачем тебе Регин?

Артём посмотрел прямо, твёрдо:

– Он убил моего деда.

У Влада даже выпрямилась спина.

– Ты… в смысле, по-настоящему?

– По-настоящему.

– Несчастный случай?.. – Влад не мог поверить. Этот человек, которого он знал всю жизнь, который работает в школе, которого Славка боготворит…

– Нет, – сказал Артём. – Не думаю, что это случайность. Моего деда не так просто было убить. Он всю войну прошёл – ни одного ранения. Это было преднамеренно.

– Ты уверен, что это он?

– Ещё недавно сомневался. Сейчас – уверен.

– Наш милый трудовик?.. – переспросил Влад, почти шёпотом.

– Он не тот, за кого себя выдаёт. И не тот, за кого вы его принимаете.

– А кто тогда?

Артём медленно выдохнул:

– Он… чудовище.

Он замолчал, а потом, будто приняв решение, добавил:

– Пойдём. Покажу тебе кое-что.

– Куда?..

Но Артём уже направился к сторожке. В её пристройке стояли два скоростных велосипеда.

– Выбирай любой, – бросил он. – Дядя Ваня купил их для внуков. Но те приезжают редко, а нам – разрешает. К утру они будут на месте.

Он щёлкнул замок.

– Отцепляй второй. Код – 1998. Год рождения Игоря, – внука.

Вскоре они уже мчались по луной залитой дороге прочь от лагеря. Влад всё ещё не понимал, куда и зачем, но внутри уже бушевало – это не шутка. Что-то происходит. Нехорошее предчувствие пробежало по спине.

– Сейчас выедем на асфальт, – крикнул Артём, – там поднажмём. Эх, ночь такая светлая, что фонарики и не нужны. Хотя я всё равно взял.

Через десять минут они выехали на чёрную ленту шоссе. Великолепная дорога. Прямая. Быстрая.

– Поторапливайся! – бросил Артём. – У нас остался час.

Час до чего? Влад хотел спросить, но не стал – дыхание сбивалось, ноги гудели. Он выжимал максимум.

Добрались за сорок минут. Въехали в дачный посёлок. В редких окнах теплился свет. В основном – пенсионеры. Все уже спят.

– Что ты хотел мне показать? – выдохнул Влад.

– А ты не догадываешься? Сам же говорил, что у трудовика дача за городом. Я её нашёл.

– И?..

– Он здесь. Сейчас.

– И что? Ты предлагаешь… ворваться? Побить его? Отмстить за дедушку?

Артём посмотрел так, что Влад тут же осёкся.

«Чёрт… Зачем я поплёлся?.. Хороший мальчик, говорила мама. Знала бы она, чем всё это оборачивается. В этот „Орлёнок“… ещё и Славку с собой

приволок. К психу, может быть…»

– Что бы ты ни увидел… молчи, – тихо сказал Артём. – Если он нас заметит – нам не поздоровится. Хорошо, если ноги унесём. Я серьёзно, Влад. Ни звука.

Они оставили велосипеды и, перемахнув высокий забор, прокрались через густые заросли вишни. Сзади – дачный дом. Справа – сарай. Из щелей в его стенах пробивался мягкий, тёплый свет.

Артём жестом велел затаиться. Влад замер. Сердце стучало слишком громко.

Что он увидит в этом сарае?..

И почему Артём дрожит, как перед боем?..

Глава 6

Солнечная деревня

– Hans, ich glaube, er ist aufgewacht. Benachrichtigen Sie die Führung und sagen Sie Maynard Bescheid.

Услышав немецкую речь, первое желание было – вскочить и бежать. К сожалению, слабость была такой, что Георгий едва смог приподнять руку… и бессильно уронил её обратно на простыню.

– Sie können sich bewegen, das ist gut!

«Чего хорошего? Хорошо было бы, если бы он был на моём месте…» – Георгий отвернулся от доктора. Если его лечат – значит, он ещё нужен. Нужно выяснить зачем, собрать максимум информации – и бежать. Сейчас он, похоже, один в доме. Если бы не был так слаб… Вдруг – взять его в заложники? Уйти? Деревня. Может, здесь есть ещё русские? Надо искать связь…

Эти мысли мелькнули в голове за долю секунды.

– Где я?.. – ссохшиеся губы едва разомкнулись.

– Sprechen Sie nicht! Sie müssen Energie sparen. Ich rufe gleich Erna.

В дом вошли двое эсэсовцев. Первый – плотный, подтянутый мужчина с угловатым, жёстким лицом, на котором плескалась плохо скрываемая брезгливость. Доктор при его появлении вытянулся в струнку, как будто нажали кнопку. За ним – второй, долговязый, худой, как жердь, с глазами хищника.

– Rührt euch! In welchem Zustand ist er, Doktor? Kann er uns irgendetwas sagen?

– Ich glaube nicht, Herr Oberleutnant, er ist gerade erst aufgewacht und ist immer noch zu schwach. Ich werde Erna bitten, ihn zu füttern.

Оберштурмбаннфюрер подошёл к кровати, демонстративно прикрывая нос белоснежным платком.

– Nun, das wird Sie!

Он взглянул Георгию прямо в глаза и сказал:

– Sie sind wie immer sehr freundlich, Doktor. Ich denke, unser Gast wird reden. Zumindest von ein paar Fragen stirbt er nicht. Wolfgang, Sie fangen an?

Кровать скрипнула – долговязый подошёл ближе.

– Кто вы, мы уже знаем. При вас были документы. Это хорошо. Расскажите, как вы сюда попали?

– Не помню, – Георгий прикрыл глаза. Не рассказывать же им про дракона… В которого и сам уже почти не верил. Не было ли всё это бредом, вызванным

жаром?

– Понимаю. Не хотите говорить. Но поверьте, вам лучше сотрудничать. Мы очень лояльны к тем, кто идёт нам навстречу. В противном случае – вы нам не интересны. И тогда – *пиф-паф*. Но, надеюсь, до этого не дойдёт.

Он выпрямился, расправляя плечи:

– Сейчас вас покормят. Отдохнёте. Подумайте. Будьте готовы отвечать. Не будьте упрямым – это не принесёт никакой пользы.

Он кивнул командиру. Тот встал.

– *Doktor, sind Sie sicher, dass er das ist?*

– *Schwer zu sagen. Wir müssen noch ein paar Tests machen. Auf jeden Fall ist er sehr interessant für die deutsche Wissenschaft. Er hat ideales Regenerationssystem. An ihm heilt alles wie an der Katze.*

– *Gut. Setzen Sie die Experimente fort. Aber ich bin mir ganz sicher, dass wir einen großen Fehler machen. Sie müssen ihn hier nicht halten. Auf jeden Fall muss die Sicherheit hier verstärkt werden.*

С этими словами офицер удалился. Следом, как послушная тень, – и его переводчик.

Доктор снова подошёл к Георгию, разжал его веки и осветил глаза фонариком.

– Уйди, гад!.. – Георгий зажмурился ещё крепче. Свет был ядрёный, едкий – жёлтое пятно отпечатывалось даже сквозь веко.

Доктор, к его удивлению, рассмеялся, довольно потёр ладони и стал расхаживать по комнате, как довольный кулик.

– *Es scheint, dass Erna gekommen ist.*

В комнату вошла девушка с подносом в руках. Миловидная, в немецкой крестьянской одежде, которая, однако, никак не соответствовала её аккуратной стрижке и ухоженным, утончённым рукам. Она поставила поднос на табурет – тот самый, на котором ещё недавно сидел оберштурмбаннфюрер, – и присела рядом на кровать. Аккуратно зачерпнула ложкой из тарелки и поднесла её к плотно сжатым губам Георгия.

Куриный бульон пах недурно. Желудок отозвался предательским урчанием.

– Не упрямьтесь, – сказала она по-русски, с акцентом. Не то с немецким, не то с французским – но всё звучало… красиво – Вам лучше поесть. Пока вы живы – есть надежда. Умерев, вы уже никому не поможете.

– Вы… знаете русский? – удивился лётчик.

– У меня мать русская. Ей было девять, когда они эмигрировали во Францию. Потом она вышла замуж за немца – и мы переехали в Берлин. Она и учила меня

языку. Но сейчас это не важно. Важно – чтобы вы поели.

Георгий проглотил первую ложку, затем взял её из её рук.

– Я вполне могу есть сам. – *Не хватало ещё – из рук оккупантов…* – Как вас зовут?

– Эрна. А вы… Георгий?

Ложка в его руке дрогнула. *Ах да, документы…*

– По-нашему – Георг, – с улыбкой уточнила она. – Вы не против, если я буду называть вас так? Мне будет привычнее.

– Ну вот, вы уже улыбаетесь, – продолжила она весело. – Значит, поправитесь! Доктор говорит, здоровье у вас – как у быка. Или, скорее, как у медведя. Большого русского медведя! У-у-у…

Она смешно изобразила, как, по её мнению, должен выглядеть медведь, вставший на дыбы. Вышло неуклюже – и даже немного трогательно.

– Где я нахожусь? – Георгию не давала покоя мысль о плене. Он всё ещё не понимал, как попал сюда.

– Вы в нашей научной деревне. Зонненланце. Не бойтесь. С вами ничего плохого не случится – если будете искренни с вождём.

– С вождём?..

– Да. Он уже приходил к вам. Оберштурмбаннфюрер Готтард. Он руководит научным центром… и всеми поселенцами.

Раздался резкий металлический звон – доктор Вернер уронил со стола железную миску. По полу разлетелись скальпели, крючки и прочий жуткий инструментарий.

– *Verdammt! Alles muss wieder gewaschen werden!*

Он быстро собрал их и, прихватив миску, вышел на улицу. Эрна проводила его взглядом.

– Профессор Вернер – человек весьма своеобразный. Его не понять. Одно слово – гений.

Георгий сдержался, но внутри вспыхнул: *«Гений и подлость – несовместимы».*

– Ешьте, – мягко сказала Эрна, вернув ему ложку. – Можете говорить, но глотать не забывайте.

– Я уже приходила к вам, когда вы были в беспамятстве. Ухаживала.

Георгий покачал головой.

– Вы так напугали меня! Кричали: «Дракон! Дракон!»… Даже просили убить вас. Или я неправильно поняла?

– Простите. Это был кошмар.

– Я так и подумала. Слава богам, теперь вы на поправку.

– Спасибо, – кивнул он. – А сколько времени я у вас?

– Сегодня третий день. У вас была сломана нога в трёх местах, много порезов. Доктор дал обезболивающее, наложил гипс. Вы не помните? Да, вы же были без сознания. У вас очень крепкий организм. За три дня – остались только царапины.

– Расскажите про ваш центр, – осторожно попросил Георгий. – Мне просто интересно, где я оказался. И… как.

– О, вы, наверное, русский шпион? – кокетливо воскликнула Эрна. – И я должна выдать вам все секреты?

– Нет, нет, конечно, нет! – поспешил Георгий. – Просто если бы вы мне всё объяснили… я, возможно, мог бы помочь и вам.

– Слишком много «если» и «бы», – надула губки Эрна. – Ладно. Спрошу у руководства, о чём можно говорить. А сейчас – мне пора. Поправляйтесь.

Она поднялась, поправила юбку, взяла поднос и вышла.

За дверью её уже ждали: десяток солдат, профессор Вернер, Вольфганг – и сам Готтард.

– Ну что, поверил? – спросил оберштурмбаннфюрер.

– Думаю, да. Он интересовался нашим центром.

– Мы слышали. Говори, что хочешь. Делай, что хочешь. Но он должен нас к нему привести. Или, если профессор прав – откроется сам.

– Возможно, изменения у него – *immoderata*, – вмешался Вернер. – Проще говоря, они не поддаются контролю. Тогда его нужно спровоцировать. Поставить в ситуацию, в которой сила проявится сама.

– Вот этим и займитесь, профессор, – холодно бросил Готтард. – У вас пять дней. Если за это время ничего не произойдёт… я возьму дело в свои руки.

В тот день Георгия допрашивать так и не пришли. Не пришли и на следующий, хотя он уже мог вставать и с костылём понемногу передвигаться по комнате. Подходить к окнам было категорически запрещено. Для контроля приставили двух солдат. Они сидели прямо у окна, не сводя с Георгия ни серых глаз, ни стволов автоматов. Даже по ночам. С немецкой пунктуальностью сменялись каждые два часа.

Если солдаты молчали, то профессор Вернер – наоборот: рот у него не закрывался. Бормоча себе под нос, он суетился по комнате: то измерял температуру, то подсчитывал пульс, то проверял реакцию зрачков, записывал

длину черепа, ширину плеч, наблюдал за глазами. Он делал это каждый час, будто надеялся, что тело Георгия вдруг начнёт меняться прямо у него на глазах.

Георгий следил за ним с равнодушием. Одолевала скука, и ещё сильнее – неизвестность. Раз в день, трижды, появлялась Эрна. Приносила еду, говорила по-прежнему легко и непринуждённо. На эти короткие минуты Георгий почти мог представить себя пациентом какого-нибудь швейцарского санатория. Он ел нарочно медленно, чтобы продлить её визит и послушать лепетание – пусть даже бессмысленное. Впрочем, ничего существенного из неё выудить не удавалось.

На третий день появился Вольфганг – тот самый худощавый переводчик, который тогда был с Готтардом. От Эрны Георгий узнал, что он преподавал русский язык офицерам СС.

– Доктор Вернер считает, вы уже достаточно окрепли, чтобы говорить, – произнёс Вольфганг и выжидающе посмотрел на Георгия.

– Не хотите сказать, зачем вы здесь? Сколько вас? Как вы узнали о нашем проекте? Не пытайтесь лгать. У нас есть множество способов получить нужную информацию. Но мы предпочитаем добровольное сотрудничество. Не заставляйте нас применять методы, от которых потом будет мучительно жаль. До сих пор вы пользовались нашим терпением и гостеприимством. Но оно заканчивается.

Он сделал паузу, разворачиваясь к выходу, но задержался на пороге.

– Кстати. Чтобы вы не думали, будто мы к вам враждебны… Вождь позволяет вам совершать небольшие прогулки. В связи с состоянием здоровья вас будет сопровождать фройляйн Эрна. Со временем вы, возможно, займёте почётное место среди наших поселенцев. Может, даже женитесь. Всё возможно – если вы не окажетесь дураком.

Он ушёл. За ним – солдаты.

Георгий остался один. *Они что, уверены, что он не убежит?*
Воспользовавшись шансом, он подался к недоступному ранее окну, отдёрнул штору. Тихо. Лишь зелёная лужайка перед домом, безлюдная и залитая солнцем.

За спиной скрипнула дверь. Георгий вздрогнул, готовясь к привычному «Halt!». Но это была Эрна. Её улыбка – как солнце после бури.

– Георг! Нам разрешили прогуляться. Не составите компанию?

Он оперся на её плечо. Спокойно. Пусть подумают, что он ещё слишком слаб – и побег невозможен. Слева – костыль, справа – подставленная рука девушки. Так он, впервые за эти дни, вышел наружу.

Он зажмурился от света. Воздух был сладок, небо чисто. Как давно он не дышал по-настоящему…

– Вам плохо? – обеспокоенно спросила Эрна. – Присядем?

– Нет. Насиделся. Лучше пойдём.

– Не бойтесь опереться сильнее. Ногу пока нагружать нельзя.

Они остановились у большого круглого здания. У входа – два штандарта со свастикой. Георгий сразу понял – административный центр.

– Это тинг, – пояснила Эрна. – Мы собираемся здесь каждый вечер. Говорим о достижениях, слушаем проповеди Мейнарда.

– Ваш пастор?

– Что-то вроде. Мы не католики, сами понимаете. Христианство несовместимо с великой идеей национал-социализма. Мы возрождаем веру предков. Мейнард – историк и этнограф, теперь ещё и служитель.

Георгий огляделся. Все дома в деревне были одинаковыми, выстроены по лучевому принципу, расходясь от центра. Всё – выверено, как чертёж: расстояние от дома до дома – ровно десять метров. Крыши зелёные, покрытые травой. Заборов не было вовсе. Пространство – идеальное. Как клетка для эксперимента.

Он вдруг подумал, сколько жизней сгубили, строя эту деревню. Немцы сами не строили, это ясно. *Запоминать. Видеть. Всё помнить.*

Он прищурился, вглядываясь в линии. *Если удастся бежать – он вернётся. И тогда никакие маскировки не спасут это змеиное логово.*

– Красивая деревня! Здесь, должно быть, живётся как в раю… Только почему ни души?

– Все на учениях, – без тени настороженности ответила Эрна. – Рада, что вам нравится Зонненланце. Здесь, действительно, хорошо! Наша деревня – экспериментально-показательная. Мы выявляем недостатки, чтобы в будущем подобные экопоселения могли быть повсюду. В них смогут жить те, кто пожелает, а мы будем их учить.

– Учить чему?

– Как жить. И как лучше вести хозяйство, – ответила она с лёгким пафосом. В голосе звучала увлечённость, почти фанатизм – будто золотая эра человечества уже маячит на горизонте, и нужно лишь немного подтянуться, чтобы дотянуться до неё.

Георгий осадил себя. *Во-первых, не всего человечества. Только той части, которую фашистская лженаука признала «арийской». Во-вторых, что ждёт тех, кто не вписывается в картину идеала? Уничтожение? Рабство? И в-третьих…*

– Ты действительно во всё это веришь? – спросил он с трудом сдерживая раздражение.

– Конечно! – вспыхнула Эрна. – Это не идеально. Пока. Но мы работаем. Каждый день. Собственным примером доказываем, что так жить – не только можно, но и нужно!

– Извини, – Георгий пожалел о поспешности. – Я имел в виду… идеи Мейнарда.

– Мейнарда? – она чуть помедлила, успокаиваясь. – Я… должна верить. Как и многие здесь. Но он верит искренне, страстно. А это – главное. Если верит сам – поверят и другие.

Георгий не стал углублять тему. Лучше направить разговор в более безопасное русло.

– А где ты живёшь? Покажешь свой дом?

– Вот он! – она указала на третий дом от конца улицы. – Мы с Агной и Вереной живём там.

Она загадочно улыбнулась и многозначительно добавила:

– Но сейчас там никого нет!

– Остальные тоже на обучении?

– Да. – Ответ был быстрым. Слишком. – Мы могли бы зайти, выпить чаю.

Он видел, как легко читается приглашение в её голосе, во взгляде. И так же быстро отстранился. Сделал вид, что не понял намёка.

Слишком просто. Слишком безлюдно. Пленного оставили одного с девушкой. Ни охраны, ни случайных прохожих. Всё по сценарию. Какой ход они готовят?

Он будто случайно огляделся, разминая шею, – но, увы, ни одного наблюдателя не засёк. *Слишком хорошо они спрятаны. Или – слишком уверены в себе.*

– А ты? Почему не на учении?

– О, что вы! – улыбка стала чуть лукавой. – С вами гораздо интереснее. У меня ведь редкая возможность пообщаться с земляком мамы. Вы же из Москвы?

– Да.

– А моя мама из Санкт-Петербурга. Хотя в Москве бывала, часто вспоминала. Очень хотела вернуться на историческую родину. Надеюсь, я тоже там побываю. Даже французский освежила. *Écoute, mon français est-il bien? Me comprenez-vous?* Что, не понимаете? Или моё произношение такое ужасное?

– Нет… Просто не знаю французского.

– Странно! Мама говорила, что в России все свободно изъясняются по-французски.

Они гуляли уже минут двадцать, но по-прежнему – ни одной живой души. Ни

стука, ни голосов, ни даже собачьего лая. Слишком тихо. Эта тишина звучала громче всех сигналов тревоги.

– А где проходят занятия? В школе?

– На полигоне. За деревней есть полигон, где мы обучаемся владению оружием.

– Даже девушки?

– Все. Это суть нашего подхода. Мужчины, женщины, даже дети – каждый должен уметь в нужный момент защитить свою землю.

– Сурово.

– Это жизнь. Хотя… я надеюсь, однажды оружие не понадобится вовсе.

– *Не всё спокойно в Датском королевстве*, – пробормотал Георгий.

– Цитируете Шекспира? – Эрна улыбнулась. – Вы же знаете, что он был арийцем? Его тексты разрешены к прочтению. В другой раз будьте осторожны с высказываниями. Вы можете сказать что-нибудь из запрещённого, и тогда вам будет, как минимум, неловко.

– Вы что, следите, кого можно читать, а кого нет?

– Конечно! Мы должны ограждать юные умы от опасных идей. Большинство книг – пустые и вредные. Когда подрастут, сами разберутся, что стоит читать. А пока – лучше фильтровать.

Георгий замолчал. Он уже чувствовал – эта деревня вовсе не безобидная утопия. Это вольер. И он в нём – зверь, которого ласково подкармливают, пока не начнётся настоящее «исследование».

Георгий никогда не был книгочеем. В взрослой жизни читал только инструкции, техдокументацию и военные уставы. Да и времени не было. Но что-то в словах Эрны резануло. Не сама идея, а интонация контроля – как будто право решать, что читать, отдаётся тем, кто никогда не должен иметь такого права.

Они ещё поговорили о воспитании через книги – ровно до тех пор, пока разговор не вернулся туда, откуда начинался.

– Сейчас нас обучают стрельбе из лука и владению холодным оружием, – неожиданно заявила Эрна.

– Лук? Меч? Серьёзно? Это для реконструкций или вы действительно готовитесь идти с мечом против автоматов? – удивился Георгий.

– Не иронизируйте. Против автоматов у нас есть автоматы. Но против меча нужен меч. Мы просто готовимся ко всему.

– Ясно. Тогда, значит, снова средневековье?

– Это традиция. Это честь. Меч – символ свободного человека. Скрамасакс,

сакс… у каждого воина должен быть свой. Хотя бы простой.

– То есть, если люди не договорились – берут ножи?

– Суд решает меч. Он не допустит неправды.

– Да, конечно… и дождь всегда идёт только по расписанию.

Эрна сжала губы.

– Давайте не будем. Я – не Мейнард.

Георгий понял – нашёл трещину. Она не разделяла всё, что говорила. Или – хотела верить, но сомневалась. Значит, где-то в ней ещё теплится то, что когда-то называлось совестью.

– А вы кем работаете в этом раю?

– Мы с Агной и Вереной – в отделе биологии наследственности. Помогаем с анализами. Советами. Подбираем лучшие сочетания.

– Лучшие?

– Да. Чтобы ребёнок родился сильным, здоровым. Если шансы плохи, мы не разрешаем зачатие.

– И вы вправе это запрещать?

Эрна посмотрела на него как на наивного.

– А вы думаете, Рейху нужны больные?

Он промолчал. Слова вдруг зазвучали в голове как стальные скобы. Рейху нужны только здоровые. Остальные – расходный материал.

– Простите, я устал. Продолжим завтра?

Они шли обратно молча. Георгий замечал, как Эрна время от времени сжимала губы, кусала их, будто боролась с чем-то внутри.

– Завтра может не быть, Георг, – наконец сказала она. – Вечером к тебе придут. Готтард. Вольфганг. Если ты не скажешь им то, что они хотят… мы больше не увидимся.

Её голос дрогнул. Она остановилась. И вдруг – резко, по-женски – бросилась к нему, обняла, крепко вжавшись лбом в его плечо.

– Я не хочу, чтобы тебя убили. Понимаешь? Я не думала, что так… что мне будет не всё равно. Но ты другой. Не такой, как они. Мы могли бы остаться здесь. Вместе. Счастливо…

Георгий выдохнул. Аккуратно, без жеста, просто шагнул назад. Не грубо. Не резко. Просто вышел из её объятий.

– Прости, – сказал он тихо.

Он вошёл в дом. И не хлопнул дверью, как в кино. Просто закрыл её, и остался один. За дверью было слышно тихое шмыганье носом. Но шагов не было.

Она стояла.

А он смотрел на дверь. И знал, что завтра через неё сюда войдёт Готтард. А он, Георгий, может быть, больше уже отсюда не выйдет.

***

– Ты сильно подвела нас, Эрна… – голос Вернера прозвучал за спиной. Тихо, но от этого – только страшнее.

Эрна вздрогнула. Холодок страха пробежал вдоль позвоночника. Маска рассеянного профессора больше не скрывала его настоящего лица. Глаза – как лёд. Рот – тонкая черта. Острая, как лезвие его скальпеля. Пальцы дрожали. Он с трудом сдерживался.

– Ты не справилась с самым простым. – Он шагнул ближе. – Не смогла затащить мужчину в постель? После всего, что мы в тебя вложили? После всей подготовки? Теперь всё – насмарку!

– Просто он… настоящий мужчина! – выпалила Эрна, бросая ему в лицо вызов. – А не подопытная мышь, с которой вы привыкли иметь дело!

Он ударил. Или почти. Его рука сорвалась вверх – и замерла в сантиметре от её щеки. Зажатая чужой рукой.

Вернер обернулся. Перед ним стоял Георгий. Схватив его за запястье, он спокойно смотрел ему в глаза. И в этом его спокойствии было что-то угрожающее.

– Убирайся, – сказал он.

Взгляд Эрны – растерянный, благодарный. Взгляд Вернера – звериный, с налившимися кровью белками. Он вырвал руку.

– Du wirst es bereuen! – прорычал он. – Alles, was jetzt passiert, ist deine Schuld! Ты пожалеешь. Всё, что произойдёт теперь – из-за тебя!

Он ушёл, бросая злую тень. Эрна провела его взглядом. Зрачки снова сухие, ровные.

– Не стоило вам вмешиваться, – тихо сказала она. – Вы даже не представляете, с кем связались. Теперь всё может пойти совсем иначе.

– У тебя будут из-за этого проблемы?

– У меня? – Она посмотрела прямо, с холодной решимостью. – Нет. *У вас.*

***

Вернер ждал у дороги. Там, где сосны стояли строго, как часовые. Он знал, Готтард скоро вернётся с осмотра линии периметра. Когда фары показались между деревьями, он шагнул вперёд. Машина остановилась с лёгким скрипом.

– В чём дело, Вернер? – Готтард даже не вышел. Только открыл дверь и облокотился. – У вас получилось?

– Нет. Фройляйн Эрна всё испортила. Она…

– Я же говорил, что не стоит сильно полагаться на девочку. – Готтард бросил недобрый взгляд. – Ваши методы слишком… мягкие. Это всё ваша психология. Снова провал.

– Есть альтернатива, – не сдавался Вернер. – Один раствор. Моя собственная разработка. Только одна инъекция.

– Почему не применили раньше?

– Потому что это – крайняя мера. Смертельная. Человек не выдерживает. Организм разрушается изнутри. Я видел, как они умирали – медленно, в чудовищных муках. Но если он… *не человек*…

– Тогда это то, что нам нужно, – отрезал Готтард. – Сегодня вечером – последний разговор. Откажется – вводите.

– Есть.

И машина исчезла за поворотом, оставив в воздухе только запах масла и гари. И ощущение, что кто-то только что подписал приговор.

Глава 7

Тень над мастерской

Сарай был огромен – в разы больше дачного домика. Что само по себе уже странно. Из-за своих размеров он выглядел основным строением, а прилепившийся сбоку домишко казался лишь пристройкой. Вероятно, в месте соединения имелась смежная дверь – чтобы можно было переходить из одного помещения в другое, не выходя на улицу. Это на вид несуразное здание занимало почти всю территорию участка, из чего становилось ясно: Регин выкупил дачу не ради посадок. Несколько грядок здесь всё же было, но, скорее, для виду. Может, не врут слухи – и Регин действительно строит самолёт?

Мальчики, припав к щелям сарая, жадно вглядывались внутрь.

Ничего необычного. Сарай как сарай. Вернее, как мастерская. По периметру – полки, с аккуратно разложенными инструментами и выставленными моделями авиатехники. Ему, что, на работе этого мало? Зачем же ещё и по выходным клеить?

Никакого настоящего самолёта, как ожидал увидеть Влад, там не оказалось. Лишь в углу валялась большая охапка сена – непонятно зачем, животных Регин не держал – и в самом центре стоял длинный верстак, на котором покоился сломанный дельтаплан.

Больше – ничего. И никого.

Влад вздохнул – с разочарованием, но и с явным облегчением. Если *это* – то, чем хотел его напугать Артём, то слава Богу! Он, пока ехал сюда, напридумывал себе такого, что теперь самому стыдно. Например, окровавленных пленников и Регина-психопата. Слава Богу, не маньяк. Отлегло.

– Это то, что ты хотел мне показать? Разбитый дельтаплан? Считай, я уже испугался. Всё, поехали назад!

– Это не дельтаплан, – тихо отозвался Артём, не сводя глаз с сарая. Лицо у него было по-прежнему напряжённым. – Помолчи. Он должен быть здесь. Всегда в это время возится над своими крыльями.

Крылья! Вот, значит, что он принял за дельтаплан! Не самолёт – крылья! По выходным мастерит себе крылья. Ну и что? У каждого свои тараканы. Хочет – пусть возится. Может, взаправду надеется повторить подвиг Икара.

В сарай, тем временем, вошёл Регин. Босой, в джинсах, в поношенной футболке. В руках он нёс свёрток парусины. Сейчас он показался Владу каким-то особенно маленьким, скромным, жалким. Ну, разве можно бояться такого старого чудака? Хотя ему не больше пятидесяти…

Регин подошёл к верстаку, бросил ткань на нижнюю полку, затем поднял

каркас крыла, проверил подвижные части. Развёрнутое, каждое крыло тянулось метра на четыре. Мечтатель… Управлять он ими не сможет. Наивный.

Владу даже стало его жалко.

Регин снял футболку. И тут Влад увидел то, что вряд ли когда-нибудь забудет.

Для пятидесяти лет у него было слишком мускулистое, жилистое тело. Он поиграл мышцами спины – и позвонки вдруг… начали расти. Они вытягивались, пока не превратились в острый костяной гребень. Кожа серела, становилась чешуйчатой. Руки удлинялись, как у летучей мыши, и с сухим хрустом переламывались в локтях, сгибаясь теперь не назад, а вперёд…

Кажется, Влад вскрикнул. Или судорожно вдохнул. Существо резко обернулось. Будто услышало. Будто ч*увствовало*.

Влад застыл. Потом отпрянул от щели, резко развернулся и побежал, забыв про скрытность, про осторожность. Он не помнил, как перемахнул забор, как схватил велосипед. Просто мчался, как безумный.

Очнулся уже на шоссе. Оглянулся – Артём был позади, тоже мчался изо всех сил.

– Не останавливайся! Крути! – крикнул он, и Влад снова рванул.

Сердце лупило в грудь, как бешеное. В ушах гудело. Влад никогда в жизни не ездил так быстро. Он не чувствовал ни мокрого асфальта, ни моросящего дождя. Перед глазами стояло только серое, нечеловечески вытянутое лицо… эти гипнотизирующие, огромные, с вертикальными зрачками глаза. Пронзительный, немигающий взгляд.

Кажется, у него вообще не было век.

И ушей – тоже.

Но больше всего пугал даже не облик, а чувство. Животное. Примитивное. Страх, такой сильный, что хотелось не жить, не бежать – а просто исчезнуть. Раствориться. Пропасть.

Потом Влад часто думал: *если бы он посмотрел чуть дольше, он бы уже не оторвался. Стоял бы и ждал. Ждал, пока его поглотят. Как кролик перед удавом.*

Они остановились только у бытовки дяди Вани, возле которой брали велосипеды.

– Кто это был? – выкрикнул Влад, едва соскочив с седла. Он уже не мог ассоциировать Регина ни с человеком, ни, тем более, с учителем.

– Дракон, – ответил Артём. – Тише. Зайдём внутрь.

Погони не было, но ребята всё равно не спускали настороженного взгляда с двери. Изнутри она не запиралась, и казалось – стоит только на миг зазеваться, как створка распахнётся, и в проём ворвётся ОНО. Тогда не будет ни времени, ни возможности бежать. Но всё же это хоть какое-то укрытие. Они сидели молча, света не зажигали.

По дороге первым порывом Влада было – сразу ехать в лагерь. Разбудить Славку, собрать вещи и убраться отсюда как можно скорее. Домой. К привычным стенам, к простым вещам, в мир, где не бывает ни драконов, ни других чудовищ.

Артём его остановил. Уехать ночью – невозможно. Нужно дождаться утра.

Когда первая волна страха начала отступать, Влад попытался мыслить логически:

– Запрещу Славке ходить к нему на кружок! Только представлю, с кем он рядом, – мороз по коже! Нет, вообще заберу его из этой школы. Пусть и близко туда не подходит.

– Хорошо, Славку ты заберёшь, – кивнул Артём. – А остальных?

– Не знаю… Может, написать коллективное заявление директору, чтобы этого… трудовика уволили?

– За что? Он на хорошем счету, ты сам говорил. И даже если допустим – уволят. Завтра устроится в другую школу. И всё начнётся заново?

– Нет, – Влад сник. – Надо, чтобы все узнали, кто он!

– И как ты это себе представляешь? Подходить к каждому и говорить: «Знаете, ваш трудовик – дракон»?

Артём сказал это таким тоном и с таким лицом, что Влад, несмотря на тревожную обстановку, фыркнул. А потом тут же замер. Перед глазами всплыли жёлтые зрачки и холодное, нечеловеческое лицо. И снова сердце сжалось от неведомой тревоги.

– А твои знают? – спросил он, имея в виду ребят из отряда.

Артём понял вопрос по-другому.

– Нет, конечно. На сегодняшний день о нём знаем только ты и я.

По крыше перестало стучать – дождь закончился. В воздухе повисла свежесть и лёгкий запах мокрой древесины.

– Пойдём костёр разведём, – предложил Влад. – Спать ты, как вижу, уже всё равно не будешь.

Их товарищи мирно спали в своих спальниках. Славка тихо посапывал, счастливый, и не знал правды.

Развели костёр. Весёлое пламя быстро согрело озябшие тела, осветило лица и разогнало сумрак. Мрак, обступавший лагерь, уже не казался таким непроглядным и страшным.

Долго сидели молча, глядя в языки пламени, пока Влад наконец не заговорил:

– Как ты собираешься его победить?

– Вот для этого ты мне и нужен. И Славка.

– Нет. Его я не дам. Не впутаю.

– И не придётся. От него нужно только одно – добиться, чтобы мы могли вместе присутствовать на занятиях авиакружка. Мы же, вроде как, без самолётов жить не можем?

– И всё? Просто смотреть? Для чего тебе это нужно?

– Хочу увидеть его вблизи. На уроке. В его естественной среде.

– И что дальше? Даже если ты что-то заметишь… как мы с ним справимся? Вдвоём?

– Втроём, – сказал Артём и посмотрел на пламя. Оно качнулось, будто поняло.

– Кто третий?

– Тот, кого он боится. Кого ненавидит. Ради чьей гибели готов пожертвовать половиной своей бессмертной жизни. Грам.

– Что за…

– Это имя меча. Меча Одина.

Глава 8

Раствор доктора Вернера

Вечером, как и обещали, к нему пришли. Готтард сразу плюхнулся на табурет с самым умиротворённым видом, закинул ногу на ногу. Вольфганг, напротив, был напряжён – стоял рядом, вытянувшись по струнке.

– Хотим напомнить, – сухо начал он, – что время нашего гостеприимства заканчивается. У вас есть последний шанс ответить на наши вопросы. Вы готовы говорить?

– Да, – неожиданно для себя ответил Георгий.

– Как вы попали сюда?

– Очень просто. Меня сбили.

– Кто?

– Ваши же самолёты. Мне посчастливилось надеть парашют и приземлиться. К сожалению, не очень удачно.

– Ложь! В нашем небе не было никаких боёв. Даже если это и так, живым вы до земли бы не долетели.

Готтард прокашлялся. Георгий уже знал, да и раньше догадывался, почему Вольфганг ничего тому не переводит. Тот понимал русский. Об этом упоминала Эрна. Просто говорил он плохо, выглядел при этом смешно, а любил казаться важным – потому и держал при себе переводчика больше для солидности.

– Может, вам будет легче говорить, если мы скажем, что знаем про дракона? – предположил Вольфганг.

– Драконы? Это же миф.

– Реальность! И вы, и я это прекрасно понимаем. Чтобы вывести вас на откровенность, мы тоже будем предельно откровенны.

Вольфганг переместился к другой стороне кровати.

– Наш исследовательский центр размещён здесь не случайно. По утверждению местных жителей, тут водится огромный летающий змей, которого изредка встречали. Мы сначала относились к этому как к фольклору – пока наши радары не зафиксировали странные передвижения в этой части леса, особенно возле горы Шлангеберг. Гора, скажем прямо, невелика, особо не спрячешься. Мы прочесали её вдоль и поперёк, но ничего необычного не нашли. Между тем, радары продолжали фиксировать активность: объект то исчезал, то снова появлялся. Это продолжалось долго. Мы уже решили, что здесь какая-то геомагнитная зона и именно она вызывает сбои, пока не наткнулись на нечто странное.

Во время взрывных работ мы обнаружили под горой большие, загадочные полости. Всех жителей поблизости срочно выселили, а местность объявили заповедной. Вскоре выяснилось: подземные ходы и туннели сплетались в хитроумную сеть лабиринтов. Кто и когда их построил – неизвестно. Исследовать их до конца мы не успели: первая группа солдат, отправленная внутрь, не вернулась. Мы направили вторую, лучше вооружённую. Вернулся один шарфюрер – весь перепачканный кровью, с оторванной рукой. Он бредил. Повторял про ужасные глаза во тьме, про дракона, которого не брали автоматные пули. Кровопотеря была критической – он вскоре умер.

После этого мы прекратили взрывные работы и перешли к наблюдательным.

По личному распоряжению рейхсфюрера рядом с горой возвели первое экспериментальное поселение нового типа, где главной идеей стало возвращение людей к древним законам германцев. В отличие от промышленных городов, здесь людей учили вести здоровую и экологически чистую жизнь. Именно такие – сильные, чистые духом – должны заселить восточные территории нашей империи.

Но вернёмся к дракону.

Наблюдатели действительно увидели его – что единогласно подтвердили на тинге. По их словам, дракон приземлился в трёхстах метрах от них. Появился в воздухе внезапно, словно из ниоткуда, и так же исчез. Там, где он исчез, есть вскрытые подземные ходы. Мы предположили, что он нырнул в них.

Утром мы тщательно обыскали местность и нашли отпечатки пятипалых лап. С них сняли слепки. Но самое странное – ходы в этом месте невелики, и существо такого размера никак не смогло бы туда пролезть. Либо оно не входило, а просто слилось с фоном – как умеют некоторые животные, – либо, что кажется совсем уж абсурдным, способно уменьшаться, менять форму.

Наша первоочередная задача – поймать его живым. Это был бы переворот в науке. Мы расставили ловушки и приманки. Но тогда вмешался наш историк Мейнард, вообразивший себя жрецом древней веры. Он настоял, чтобы в одну из ночей все наблюдатели ушли, а он сам проведёт ритуал и вступит с драконом в контакт. Мы выполнили все его условия и… мысленно с ним попрощались. Но через четыре часа он вернулся. Не испуганный – восторженный, словно окрылённый.

Он уверял, что говорил с драконом. Что тот согласен на присутствие людей у своей горы, если мы уберём все ловушки и снимем наблюдение. Пока что он нас терпит. Но терпение его на исходе.

Мы бы всё это сочли за бред, если бы не одно обстоятельство – чешуйка. Он показал нам ромбовидную чешуйку, размером с куриное яйцо. По его словам, получил её прямо из лап Ящера. Мы с трудом уговорили его сделать слепок. Провели анализ – это действительно чешуя, принадлежащая неизвестному виду.

Теперь он носит её на груди, как талисман. Даже ночью не снимает.

С тех пор его авторитет среди поселенцев вырос. Нам это даже выгодно. Такие люди, как он, помогают верить в невозможное.

Мы, конечно, не убрали ловушки. Наоборот – увеличили их количество. К тому же в людях проснулась охотничья кровь. Они вспомнили, что они потомки Зигурда и Беовульфа. Захотели подражать им. К нам прибыло подкрепление из отряда СС «Мёртвая голова».

Хотите знать, что с ними стало?

Их внутренности мы нашли развешанными по деревьям. Свешивались с веток, будто новогодние гирлянды. Рядом – оторванные руки и ноги. Всё вело к поляне. На ней – колья. А на кольях – головы солдат и офицеров.

Все ловушки – разнесены в щепки.

Это не зверь. Мы поняли: перед нами – разумное существо.

Вольфганг судорожно сглотнул. Налил из кувшина воды и выпил.

– До сих пор не могу забыть ту картину. На войне мы, конечно, всякого повидали, но такое… На другую ночь он явился в деревню. Тут его уже увидели все. Он спалил несколько наших домов, а после на чистейшем немецком потребовал, чтобы мы убирались отсюда, или он уничтожит всех. По дракону открыли огонь из всех стволов, но он выплюнул на нас ещё одну струю пламени, сжёг при этом несколько человек, и удалился.

Мейнард тут же, конечно, бросился причитать, что мы разгневали Великого Дракона и теперь, чтобы он не перебил нас всех, нужно принести ему жертвы.

Мы бы до такого абсурда, конечно бы, не опустились. Но было необходимо понять: он питает ненависть только к нашей нации, или вообще? Нам доставили пленников, самых разных. Оказалось, вообще. Он пожирал всех, не делая исключений ни по классу или национальности, ни по полу и возрасту, ни по политическим или религиозным взглядам.

Сознаться, нас это несколько воодушевило. Если это не ненависть непосредственно к нам, и при этом он обладает речью, значит, с ним можно договориться и прийти к каким-то взаимовыгодным отношениям. Мы искали способ…

Георгий, не скрывая неприязни, смотрел на них. «Да вы сами такие же чудовища, как и он. И если бы не автоматчик у двери, я тут же задавил бы вас голыми руками».

– Sie reden zu viel Wolf! – подал голос Готтард. – Komm zur Sache!

Вольфганг бросил короткий взгляд на командира и продолжил.

– После этого дракон ни на кого не нападал, а вскоре и вообще исчез. Мы даже думали, что он сменил место жительства, если это можно так назвать.

Может быть, впал в спячку. Однако, желающих проверить не оказалось. Как бы то ни было, он не обнаруживал себя всю зиму и весну. И тут объявился. Дозорные заметили его кружащим над горой. Мы поспешили туда и увидели вас. Что мы должны думать? Что вы и есть дракон? А если нет, то почему он не тронул вас? И тогда как вы там оказались?

Лицо Георгия посерело. Значит, правда. Змей не был плодом разгорячённого болезнью мозга. До сих пор сложно было в это поверить.

– Я не дракон, если вы об этом. Обычный человек. Он притащил меня сюда, чтобы я что-то для него нашёл.

– Что именно?

– Не помню. Он говорил про какой-то грам.

Эсэсовцы переглянулись. Готтард удивлённо вскинул бровь.

– Wie könnte er das wissen? Dieses Spielzeug von Wirth ist wirklich interessant! Man muss sich schnellstmöglich mit Zentrum in Verbindung setzen. (*Откуда он узнал? Эта игрушка Вирта в самом деле представляет интерес. Нужно немедленно связаться с центром*).

Он поднялся, давая понять, что разговор закончен, и махнул рукой в сторону пленного.

– Пусть пока отдыхает.

У крыльца им встретился Вернер.

– В вашей инъекции пока нет необходимости. Он согласен сотрудничать с нами. Зря вы ругали Эрну, ей, похоже, удалось добиться больше, чем вам.

У врача на этот счёт было совершенно другое мнение, как это обычно бывает у всех врачей. Он не собирался останавливаться на середине. В стремлении доказать свою правоту, он был готов на все. Только хотел сделать это тихо и быстро. Без лишней боли и, главное, без лишнего шума. Только глупый русский выронил кружку со снотворным, которое он ему протянул под видом лекарства. Ну, ему же хуже!

Вернер, не церемонясь, воткнул шприц Георгию в плечо, и быстро ввёл препарат. Он успел увидеть, как ширятся от боли его глаза, как сокращаются мышцы, и как по быстро чернеющим, набухающим венам, к сердцу проникает зараза. Это были обычные вещи. Но вот что он увидел позже, сверхъестественным ужасом парализовало его собственное тело.

Глава 9

Наследие

Ушли они ещё до рассвета. Для всех – неожиданно. Ребята ворчали, недоумевали: второй день обычно был самым насыщенным. Самым интересным. А тут – короткая команда «собираться» и никаких объяснений. Даже завтрак пропустили.

Артём молчал. Стоял у рюкзака, будто ждал приказа. Ни суеты, ни лишних слов. Только глаза – настороженные, потемневшие. Он всё собрал ещё ночью. Теперь просто ждал.

Влад тоже не расспрашивал. Только помогал Славке стянуть спальник.

– Уже уходим? – спросил тот, недоумённо зевая.

– Уже, – коротко бросил Влад. – Быстро собирайся. Времени нет.

Они не договаривались об этом взглядами – просто оба понимали: чем быстрее они окажутся подальше отсюда, тем лучше. Почему? Даже сами не могли бы точно ответить.

Ключи отдали дяде Ване. Старик уже был на ногах. Вид у него был мрачноватый, но по-утреннему бодрый. Цигарка в зубах, как и всегда.

– Велосипеды ночью брали? – спросил сразу, прищурившись. – А чего не предупредили? Я уж, признаться, ружьё достал! А потом смотрю – вы! Где шастали?

– Да просто катались, – пожал плечами Артём. – Хотел Владу показать окрестности. Не спалось.

– Понятно, – кивнул дядя Ваня.

– Извини, не успели помыть. Всё в спешке.

– Да ясно, как день – хмыкнул дед. – Набедокурили чего-то. Дом, надеюсь, цел?

– Всё в порядке. Просто срочные дела. Уезжать надо.

– Думали они, думали… – проворчал дед, провожая их взглядом. Но без злобы. Так – по стариковской привычке. Для порядка.

Они вышли из ворот. Позади оставался пустой лагерь, затянутое туманом утро и чувство, что что-то надломилось.

Пока ехали, никто не говорил. Влад крепче держал руль, будто от этого зависело всё. Артём ехал впереди, чуть пригнувшись, сосредоточенный, как на поле боя.

Всё было тихо. Подозрительно тихо. Слишком.

По пути Влад договорился с Артёмом встретиться у него. Закинув домой рюкзаки, он быстро поел, принял душ и, наказав Славке не выходить из дома, помчался к Артёму. Тот уже ждал. Чтобы не терять времени зря, перебирал аккорды какой-то лирической мелодии на гитаре.

Влад прошёл в большую комнату и уселся по-турецки прямо на ковёр, делая вид, что внимательно разглядывает коллекцию оружия. На самом деле он был взволнован и выбит из колеи. Слишком многое обрушилось за последние сутки. Но знал: пока не усядется, пока не сбросит с себя нервную дрожь – Артём с ним говорить не станет. Такой уж у него был порядок. Он никогда не начинал разговор с места в карьер. Молчал, уставившись куда-то сквозь стены, будто настраивал пространство вокруг себя. Умиротворял его. Влад поначалу бесился от этого, теперь – привык. Даже стал воспринимать это как некий странный ритуал.

Но сегодня ждать долго он не мог. Терпение лопалось. Он вскочил, прошёл на кухню и поставил чайник. Заварил зелёный чай в китайском чайнике с изображениями драконов. Рука непроизвольно дрогнула – раньше не обращал внимания на рисунок. Теперь – заметил. И вспомнил: по дороге видел парня с татуировкой дракона, школьника с рюкзаком, где был тот же символ, ресторан «Красный дракон», да и на Пушкинской – разве не драконы подпирают там эркеры?

Что это? Просто навязчивость восприятия – или знаки?

– Влад, послушай, как тебе звучит? – донёсся голос из гостиной.

Он вернулся, поставил одну чашку рядом с Артёмом, другую унёс с собой – на ковёр, на свою «позицию».

– Может, всё-таки поговорим? – наконец вырвалось у него.

– А мы что, не разговариваем? – спокойно отозвался Артём.

– Я серьёзно. С тех пор как я увидел этого… мутанта – у меня внутри всё перевернулось. Он точно нас узнал!

– С чего ты взял? Было темно, он смотрел из света на узкую щель. Думаешь, так легко что-то разглядеть?

– А ты знаешь, как у него зрение устроено? – вспылил Влад. – Я бы не поверил ни во что из этого, пока сам не увидел. К тому же он не бросился за нами. Значит – узнал. Понял, кто следит.

– Он не бросился по другой причине, – возразил Артём. – Он знает, что мы никому ничего не расскажем. Во-первых, кому поверят? Во-вторых, он не уверен, что догонит. Он ведь… калека.

– Что?

– Он не может летать. Дед его ранил. Сломал ему крыло. Ты не заметил, у него левая рука будто деревянная? А внешне – ничего, всё на месте.

– Значит, с костями что-то не то?

– Да. Кости. Вот что определяет форму и суть. Он теперь прикован к земле. А для дракона это хуже смерти. Вот он и мается. Пытается построить себе искусственные крылья, играет с детьми в самолётики – тоскует. У деда было так же. После войны летать запретили – он с ума сходил, пока не начал собирать оружие. Это хоть как-то отвлекало. Но он – просто человек. А этот – нечто иное. Полёт для него – суть бытия.

– Поэтому он убил твоего деда?

– Не знаю точно. Всё это покрыто мраком. Дед редко говорил. Отец считал его немного «того», травмированным войной. Мама жалела. А я… я верил. Ждал, когда мы поедем в Ленинград, чтобы послушать его истории и подержать в руках настоящее оружие. Здесь, в этом доме, был почти музей. Для «своих». Коллекционеры, военные, партийная верхушка – приходили. Некоторые до сих пор заходят. Только теперь им тут неуютно. Я повесил всякого китайского хлама – пусть думают, что коллекция растворилась среди безделушек. Так меньше лезут.

Он сделал глоток чая. Артём улыбнулся краешком губ.

– Хочешь покажу портрет деда?

Не дожидаясь ответа, Артём бросился в спальню и вскоре вернулся с фотографией в руках. Снимок формата А4 был аккуратно вставлен в рамку под стекло. Влад взял её – и от взгляда на портрете ему стало не по себе. Лёгкий холодок пробежал по телу. Вместо жизнерадостного парня с заломленной пилоткой, как обычно изображают военных лётчиков в кино, на него смотрел абсолютно лысый мужчина. Уже в годах. С цепким, пристальным взглядом, больше подходящим сотруднику НКВД. Казалось, его массивным квадратным подбородком можно было колоть орехи. Теперь Влад лучше понимал отца Артёма – с таким человеком нелегко ужиться.

– Георгий Иванович Коваленко, мой дед, – не без гордости произнёс Артём. – Он рассказывал, как во время войны попал в плен, и немцы над ним ставили опыты. После них и полысел. Из всей растительности на теле остались только ресницы и брови. Сначала комплексовал, потом смеялся. Говорил: «Как в салоне красоты побывал! Сейчас за это бешеные деньги берут, а мне немцы сделали бесплатно. Один раз – но на всю жизнь». Уже тогда умели!

Артём на секунду замолчал, будто вспоминая дедов голос. Влад слушал с завистью. Хорошо, когда есть, а лучше – был, такой дедушка. У него тоже был дед, умер несколько лет назад. Самый обычный. Про войну ничего не рассказывал. Да и вообще, кроме грядок, казалось, ничем не интересовался.

– А как он из плена выбрался? Наши спасли?

– Нет. Сам сбежал. Три месяца добирался до своей части. Его уже считали пропавшим без вести, даже письмо жене успели отправить. А он появился. И, говорят, принёс какую-то важную информацию. Мне он об этом не рассказывал, это мама потом говорила. После этого его забрали в НКВД. Держали какое-то время, а потом предложили остаться работать – с повышением звания. Он согласился.

После войны с бабушкой переехали в Ленинград – вот в эту самую квартиру. Тогда он уже начал собирать коллекцию, правда, сначала у него было всего с десяток экспонатов. Позже добился перевода в ГДР, где пробыл шесть лет.

– Один?

– Да. Мама тогда ещё в школу ходила. Да и, думаю, у деда там были какие-то задания. Планировали на год, а получилось – вот так. Вернулся в 1953-м. Сразу получил подполковника. Ну и коллекция заметно пополнилась. После этого его ещё трижды отправляли в Германию – но уже на короткие сроки.

– Ладно, понятно. Но как он про драконов узнал? И из-за чего у него с Регином вышел конфликт?

– Про драконов он узнал ещё на войне. Думаю, именно это и была та самая «секретная информация», с которой он вернулся. Возможно, его и направляли в Германию снова именно из-за этого.

Перед смертью он вёл себя странно. Очень плохо чувствовал себя. Настоял, чтобы я приехал присматривать за ним. Мама хотела остаться, но он убедил её, что достаточно будет меня одного. Мне, конечно, тогда было радостно – пропущу школу! И к деду ехал с нетерпением. Я его обожал. С ним всегда было интересно, особенно когда никого рядом не было – тогда он рассказывал куда больше.

Артём прервался, подошёл к окну и уставился на серый, промозглый город.

– Он многое тогда рассказал. Намного больше, чем я был готов услышать. Я был подростком, категоричным, прямолинейным. Многое из услышанного я не мог простить. Сейчас жалею. Тогда было другое время. Жёсткое. Там слабые и рефлексирующие не выживали.

Я пробыл с ним всего неделю. Но после этой недели моё детство закончилось. Он, наверное, чувствовал, что скоро умрёт, и пытался передать мне всё, что мог. Я не уверен, что всё это правда. Но, если честно, склонен верить. Он никогда меня не обманывал.

Я был с ним всё время. Даже когда хотел всё бросить и уехать. Плакал ночами в подушку. Я считал его героем, а тут – словно занавес сдёрнули, и я увидел обратную сторону. Было тяжело.

Он сильно болел. Но странно. Два дня мог метаться в бреду, потом вдруг –

бодрый, подтянутый, собирается и уходит. Я не мог удержать его. Пытался проследить, но он чувствовал это. Всегда. Уходил – и к шести возвращался. С одной стороны, я радовался, с другой – знал, что всё начнётся по-новой.

Однажды в бреду он звал какую-то женщину. Немецкое имя, я не запомнил. Когда он пришёл домой, я осмелился спросить: кто это?

Он посерел. Сказал, что у меня мог быть дядя. Но дракон убил и его, и его мать. Потом прошёл на кухню, не раздеваясь, разбил всю посуду, сломал стол. Сидел на полу среди осколков. Потом встал, ушёл – и вернулся с тремя бутылками водки и новыми кружками. Выпил – и рассказал мне о Регине. Тогда у него было другое имя. Сказал, что недавно снова встретил его на улице и что всё скоро закончится.

И действительно – вскоре всё закончилось.

Как сейчас помню тот субботний вечер. Я сидел в этом углу, в этом самом кресле, поджав под себя ноги и пытаясь вникнуть в книгу. Сколько ни пытался, не мог сосредоточиться. Глаза скользили по строчкам, но смысл ускользал. До сих пор не люблю эту книгу – *«Чёрная стрела»* Стивенсона. Хотя, если спросишь, о чём она, я даже не смогу рассказать.

Я прислушивался к шагам деда, расхаживавшего по комнате с заложенными за спину руками. Он сопел и хмурился. Я же старался не смотреть в его сторону. По телевизору шли какие-то новости, но звук был почти на нуле. И вдруг – телефонный звонок. Резкий, громкий, трескучий. Дед вздрогнул, посмотрел на меня. Я – на него. В его глазах была усталость, тоска… и, мне показалось, или правда – тень страха. Но если и была, то на мгновение. Он тут же расправил плечи и словно помолодел лет на двадцать. Будто именно этого звонка ждал всё это время. Звонили долго, настойчиво.

Он снял трубку, молча поднёс к уху. До конца разговора не проронил ни слова. Только слушал. Я тоже слышал голос из трубки – мягкий, но слов разобрать не мог. Скорее всего, говорили по-немецки.

Когда он положил трубку, я хотел спросить, кто это был. Но, только взглянув на него, онемел. Его взгляд мог убить.

– Значит, завтра, – только и сказал он.

Потом ушёл на кухню и долго сидел в темноте. Я не решался к нему подойти. Но уже собираясь ложиться спать, услышал, как он зашёл ко мне – со свёртком в руках. Молча развернул его на столике. Внутри оказался меч – небольшой, с сильно затёртой рукоятью. Такого я раньше в дедовой коллекции не видел. Хотя знал каждый его меч.

– Осторожно. Очень острый, – сказал он. – Хотя лучше вообще не трогай. Счастья он не принесёт. Как не принёс и мне. Злые руки его делали.

Он смотрел мне в глаза. Я не мог скрыть любопытства и непонимания.

Почему показывает его мне сейчас, хотя раньше скрывал? И что в нём такого? На вид – ничего особенного. Много мечей в коллекции выглядели куда внушительнее. А этот… серый, тусклый, плоский. Даже не оружие – тень от оружия. Пыльный, обёрнутый в тряпку, как мумия.

– Проголодался, – вдруг сказал дед. – Ему тоже нужно есть. Давно я его не вынимал.

Он положил руку на эфес. Меч вздрогнул. Или мне показалось в свете торшера? Но лезвие как будто посветлело.

Дед убрал руку.

– Он за ним пришёл.

– Кто? – спросил я.

– Хозяин.

Артём отхлебнул остывший чай, посмотрел на Влада и устало улыбнулся.

– Я теперь не сомневаюсь, что это был Регин. Всё указывает на это. Он и тогда намекал… И имя это, которое стало фамилией…

Дед вынес из спальни толстую, пахнущую пылью книгу. От неё тут же защекотало в носу. Он открыл её на заложенной странице. Были там гравюры Йоханнеса Генца. Книга – на немецком. *Легенды и предания северных народов*. На развороте, готическим шрифтом:

«Die Legende von Gram, das Schwert von Sigurd».

– Читай отсюда, – указал он.

Я хоть и учил в школе немецкий, и дед мне помогал, с трудом совладал с переводом. Смысл был в следующем:

«Первоначально этот меч принадлежал Одину. Однажды, когда в зале конунга Вельсунга был пир, туда вошёл человек в плаще, кривой на один глаз, с мечом в руках. Все узнали в нём Одина. Он подошёл к яблоне, росшей посреди залы, вонзил в неё меч и сказал: „Тот, кто вытащит его, будет владеть лучшим мечом, что когда-либо был“, – и исчез.

Никто не смог вынуть меч, кроме Сигмунда. Он мог рассекать камень. Им же Сигмунд убил дракона, пригвоздив его к скале. Позже в бою меч был сломан, встретившись с копьём Одина. Обломки Сигмунд передал жене, чтобы из них выковали меч для их сына, Сигурда.»

– И что же? – спросил я. – Думаешь, это тот самый меч?

– Не совсем, – сказал дед. – Ты же читал – тот меч был сломан. Из его обломков создали новый. Но уже осквернённый. Недаром его звали *Грам* – что значит «Враждебный». Все, кто им владел, погибали. Может, будет лучше, если этот меч будет уничтожен. Завтра я отнесу его и забуду. Пусть будет, что будет.

– Дед, если этот меч – зло, тогда тот, кто хочет его уничтожить – добро?

Дед смеялся до слёз. Я тогда не понял, почему. Он ничего не ответил. Я был слишком наивен, чтобы понять.

– Этот меч был создан исключительно для братоубийства. После этого он должен был быть либо надёжно спрятан, либо уничтожен. Но этого не случилось. А позже этим мечом убивали драконов. Может, теперь пора поставить точку?

На следующий день дед ни словом не обмолвился ни о мечах, ни о драконах. С самого утра вёл себя как обычный, добропорядочный дедушка. Мы гуляли в парке, стреляли в тире, ели мороженое. Я был рад. Казалось, он взялся за ум. Я тешил себя мыслью: стоит ему вернуть меч – и мы всегда будем жить вот так. Просто. Спокойно. Весело.

Когда вернулись домой, дед помылся, побрился – словно собирался на свидание. Даже что-то напевал. А в четыре часа просто взял свёрток с мечом – и вышел.

На пороге он взглянул на меня – и я почувствовал что-то неладное. Но не придал значения. Сел перед телевизором, чтобы скоротать время до его возвращения. Он обещал быть к шести, как обычно.

Фильм закончился. Я бродил по комнате ещё полчаса. Минутная стрелка поползла к восьми, а деда всё не было. Я по-настоящему встревожился. Позвонил маме. Она пыталась меня успокоить, уверяла, что дед скоро придёт, что это в его духе.

Прошёл ещё час. Темнело. И чем темнее становилось за окном, тем сильнее росло во мне беспокойство. Я не мог усидеть на месте. Что-то случилось – я чувствовал это каждой клеточкой.

В десять позвонила мама. Почти плача, сообщила: дедушки больше нет. Сказала, что выезжает немедленно. Просила только не делать глупостей, и никуда не выходить.

Я положил трубку. Спокойно. Ровно. «Его больше нет» – стучала мысль в черепной коробке, но внутрь себя я её не пускал. Только что был – и теперь нет. И больше не будет. Никогда.

Слёзы навернулись на глаза.

Ты не поверишь, но я пошёл на кухню. В комнате, где уже не осталось ни одной целой мебели, открыл холодильник – и стал есть всё подряд. Не помню что. Просто ел. Это помогало сдержать боль.

До утра – до маминого приезда – я не знал, что именно произошло. Я подумал: может, сон поможет смириться. Пошёл в спальню, не раздеваясь, рухнул на дедову постель. Всё равно никто уже ничего не объяснит.

Потянул одеяло… и обнаружил под ним то, что оно скрывало.

Меч. Тот самый.

Дед всё-таки его не взял.

– Получается, из-за него его и убили? – спросил Влад.

– Вероятно, – кивнул Артём. – Но если дед счёл, что важнее сохранить меч, чем свою жизнь – значит, знал, что делал. Теперь меч у меня. А значит, я должен довершить начатое.

– Убить Регина?

– Убить дракона. Этот меч создан именно для этого.

Артём замолчал. Влад воспользовался паузой.

– И ты уже… убивал?

– Нет, – резко ответил Артём. – Регин будет первым.

– Но ведь ты говорил, меч был создан для братоубийства?

Вместо ответа Артём подошёл к книжной полке, достал тонкую, потрёпанную книжицу и протянул Владу.

– Норвежские и тевтонские предания. На русском. Прочитаешь – поймёшь. Там сказано: Регин выковал меч, чтобы убить брата. И убил – руками Сигурда. Теперь пришла его очередь. Только теперь роль Сигурда – наша.

– Ты полагаешь, это тот самый Регин?..

– Возможно. Может, потомок. Неважно. Он должен ответить за всё, что сделал.

– Я не говорил тебе, – продолжил он. – Деда нашли в заброшенной части “Красного треугольника”, на Обводном. Проникающее ранение в сердце. Удар чем-то длинным и узким. Орудие не нашли. Пропала лишь одна вещь – меч. Следствие решило: ограбление. Мол, украли дорогую вещь. Но кошелёк остался. Я теперь знаю – кто это сделал. И почему.

Он посмотрел Владу прямо в глаза:

– Я не собираюсь с этим мириться. В последний раз спрашиваю: ты со мной? Пойдёшь до конца? Потом отказываться будет поздно.

– Я с тобой! – без колебаний ответил Влад. – Кто-то должен его остановить. И если не мы – то кто?

Артём поблагодарил его взглядом и вышел из комнаты.

– Хочу познакомить тебя с Грамом.

Он вернулся с мечом. Тот казался живым. Льдинка света, хладный, безжалостный. Артём и сам был похож на воина из древнего предания. Героя, который сначала творит волю богов – а потом сам бросает им вызов.

Возможно, чтобы не оставить сомнений… а может, от прилива энергии, Артём подошёл к журнальному столику – и, как когда-то его дед, разрубил его пополам одним взмахом.

– Теперь ты веришь?

Глава 10

Бункер

Вокруг была темнота. Плотная, ощутимая, как если бы он находился в подвале мира. Георгий не чувствовал рук, ног, только головокружение, тошноту и гулкие удары в висках, как удары набата. Голова наливалась тяжестью, тело будто было чужим, как после наркоза. Но не это его пугало.

Он не мог понять – он жив?

Вдруг впереди появилась тонкая щель света. Узкая, как рассечённая бритвой рана. Значит, не ослеп. Уже хорошо.

Он попытался протереть лицо, но тут же понял, что руки скованы. Холодные металлические браслеты впивались в запястья, удерживая его к стене. Пальцы едва двигались, но ощущение… было странным. Кожа как будто стала другой. Жёсткой. Более плотной. Он попытался нащупать себя. Никак. Всё тело будто бы оковано изнутри.

Камера, догадался он. *Подземелье. Значит, игры кончились.*

– Эй… – хрипло сорвалось с его губ, но вырвался лишь гортанный, сдавленный стон. Как рык.

Он сглотнул. Голосовые связки слушались плохо, но он напрягся и выдохнул:

– Эй!..

Свет включился резко, разом залив камеру резким желтоватым светом. Глаза заслезились. Он зажмурился, но всё же успел разглядеть обстановку.

Комната четыре на четыре. Бетонные, потрескавшиеся стены, в углу металлический унитаз, ржавый. Над головой – голая лампочка Ильича. Пахло сыростью, кровью и потом. В старых фильмах камеру называли «карцером» или «бункером». Здесь это было логово.

Дверь с глухим металлическим скрежетом отворилась. Толкать такую махину – усилие не из лёгких: створка была толщиной не меньше пятнадцати сантиметров. Словно не дверь, а заслон шлюза.

На пороге появился Готтард.

Он не спешил. Стоял, отстранённо глядя на узника. Как ему удавалось передать одним только взглядом и уважение и отвращение.

– Надеюсь, вы не обижаетесь за это? – сказал он, указывая на оковы. Говорил сам, с тяжёлым акцентом, но без переводчика. – Мы были вынуждены. После того, что вы сотворили с доктором Вернером… А также с госпиталем.

Георгий поднял голову.

– Что… я… сделал?

– Вернер уколол вас… препаратом. Экспериментальным. Нам он не подчинился, действовал по собственной инициативе. За это и поплатился.

– Я… убил его?

– Если бы. Убил – слишком мягко сказано. Его… останки пришлось собирать по всей палате. Череп был раздавлен, позвоночник… сложен вдвое, как соломинка. И все это – за считанные секунды. Вы сделали из него фарш, капитан.

Георгий пытался вспомнить. Только укол. И – тьма. Потом… запах крови? Вкус её? Он вспомнил, как вцепился в шею доктора – и все.

Но что произошло после?

В груди – жжение. Не боль. Не страх. Жжение, будто кто-то внутри него ворочается, шепчет.

– Мы могли бы расстрелять вас, – продолжал Готтард. – Но есть кое-что, что удерживает нас от этого шага.

Он сделал знак, и в дверях появился Вольфганг, держа в руках что-то, завёрнутое в плотную ткань. С величайшей осторожностью он развернул свёрток. Меч.

Короткий, потемневший от времени клинок, будто высеченный из инея. На рукояти – слабый отблеск. Меч, от которого веяло холодом и… чем-то древним.

Готтард смотрел прямо в глаза Георгию.

– Это то, ради чего вы здесь?

Георгий вгляделся в оружие. Нет. Он не чувствовал ничего. Ни зова, ни ужаса. Ни дрожи. Это был просто… меч.

– Не знаю, что это, – выдавил он. – Вижу впервые.

– Это Грам. Меч Сигурда. Символ. Если хотите – ключ. Сегодня вы пойдёте на гору. Вы скажете, что нашли его. И передадите Ящеру послание.

– Я… не служу вам, – прохрипел Георгий. – И не слуга дракону.

– Нет. Вы – между. Посредник. Ящер вас не тронул. И мы это используем. Или… вас больше не будет.

Он развернулся. На выходе обернулся:

– Вас раскуют. Дадим воду. Бритву – пощадим вашу гордость. Попробуйте выкинуть что-нибудь – и вы сдохнете, капитан.

Они ушли.

Когда дверь захлопнулась, Георгий остался один.

Он взглянул на свои руки. В запястьях – следы крови. Чужой? Нет. Его. Вены

вспухшие, багровые, будто что-то в них всё ещё не угомонилось.

В голове снова зашевелился голос. Далёкий. *“Ты просыпаешься. Всё остальное – иллюзия”*.

Он взглянул на меч, лежащий у стены.

Он не знал, что это за меч. Но чувствовал – настоящий Грам он узнает сразу. Его нельзя подделать. Его нельзя не почувствовать.

И у Георгия всё ещё есть шанс.

Глава 11

Сломанный клинок

Влад возвращался домой уставший, как никогда. В голове гудело, как после простуды, а моросящий дождь сливался с тяжёлыми мыслями. Низкое небо нависало, будто хотело раздавить город. За спиной оставалась бесконечная, выматывающая беседа с Артёмом. Почти весь день они выстраивали планы, искали слабые места, перебирали варианты… и всё впустую. Как двоим студентам победить древнего зверя?

Меч вызывал у Влада сомнения. Легенды – это красиво, конечно. Но Артём, казалось, слишком увлёкся мифом. Влад видел, как лезвие разрубает стол, но мебель – не броня. И если Регин – не человек… Что тогда?

Что, если Артём ошибается? А если меч – просто старый антиквариат с эффектной историей? И если Регин всё знал, и ничего не сделал, почему?

Когда Влад поднялся по лестнице и вошёл в квартиру, его встретил аромат свежей выпечки. Мама открыла дверь в фартуке, руки в муке, лицо в тёплой, уютной усталости.

– У нас гость, – сказала она, улыбаясь. – Сан Саныч заглянул. Со Славиком обсуждают какой-то новый проект к Дню авиации.

Сан Саныч. В голове тут же зазвенело тревожным колоколом. Влад оцепенел. Он не мог поверить, что Регин пришёл сюда. В его дом. В его крепость. К его семье.

– Разве день авиации не был в августе? – сухо спросил он, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

– Ну, это же школа, – пожала плечами мама. – У них свои планы. Говорят, ты тоже пригодишься. И папа уже обещал помочь.

Влад прошёл в кухню, словно идя по минному полю. Он знал, кого там увидит, и всё же сердце сжалось, когда взгляд упал на фигуру Регина, устроившегося у стола с чашкой чая. Внешне – учитель, скромный, приветливый. Внутри – чудовище.

– Влад, почему ты не говорил, что Сан Саныч – такой заядлый футболист? – весело бросил отец. – Овчинникова лично знает! Обещал достать мяч с автографом. Представляешь?

– Здорово, – выдавил Влад и опустил глаза в тарелку, куда мама только что налила суп. Он старался не смотреть на трудовика. Ни в коем случае не встречаться с ним взглядом.

Он знал: если посмотрит – Регин всё поймёт.

– А «здравствуйте» тебя не учили говорить? – укорила мать.

– Здравствуйте, – буркнул он, не поднимая головы.

– Всё в порядке, – отозвался Регин. Его голос был мягким, почти дружелюбным, но в каждом слове Влад слышал насмешку. – Возраст такой. Старые ориентиры разрушены, новые ещё не сформированы. Мир кажется фальшивым, и хочется крушить всё подряд…

– Ну, уж не скажите! – встрял отец. – Мы в их возрасте таким хамством не отличались. Нам бы в голову не пришло не поздороваться с учителем!

– Времена меняются, – философски протянул Регин. – Сейчас уже вон – по дачам лазают. Мебель крушат. Столы, стулья ломают. Просто так, по настроению.

Влад поперхнулся. Едва не выронил ложку. Горячая картошка застряла в горле.

Он знает.

Скорее всего, видел. Или чувствует. Или просто играет. Как кошка с мышью. И в этой кухне с обоями в цветочек, с пирогом на плите и улыбками родителей, Влад вдруг почувствовал себя запертой дичью.

– К соседям моим, знаете, недавно кто-то вломился, – продолжал Регин с тем же спокойствием. – Ничего не взяли. Просто разбили всё, что могли. Интересно, зачем?

– Безобразие, – покачал головой отец. – От безделья, всё от безделья. Хорошо, что вы их в кружки загоняете, Сан Саныч. А то, кроме интернета, ничего у них в голове.

– Я стараюсь, – скромно отозвался тот, отпивая чай.

Влад механически ел. Он не чувствовал вкуса. Только страх. Оцепенение. Регин пришёл не просто в гости. Он вошёл в дом, в семью. Внутрь. И дал понять: *«Я рядом. Я вижу. Я знаю».*

В этот момент Влад понял, что в игру вступили по-настоящему. И теперь никто – ни он, ни Артём, ни даже меч – не в безопасности.

Влад краем уха слушал, как взрослые спорят о воспитании. А сам – смотрел. Не просто смотрел – всматривался. В лицо Регина. Лицо было знакомым. Тёпло-спокойное, уверенное, как всегда. Обычное. С таким выражением читают лекции, выдают оценки, шутят на школьных праздниках.

А вдруг я ошибся? – мелькнуло. *А вдруг Артём навязал мне это? А вдруг я видел то, чего не было?*

Влад ловил себя на мысли, что хочет верить в обыденность. Усталость, переутомление, рассказы Артёма, сумерки, подсознательные страхи – вот и вырисовался образ. Просто человек. Трудовик. Учитель.

Регин повернулся, встретил его взгляд – и улыбнулся. Та самая, узнаваемая, добродушная улыбка.

Влад улыбнулся в ответ. В первый раз за весь вечер – искренне. Как будто выплыл из дурного сна.

– Кстати, Влад, – негромко заговорил Регин, – я ненароком услышал твой вопрос. Да, ты прав – день авиации в августе, но мы отпразднуем день основания военной авиации. Он ближе мне – мой отец был лётчиком. Сейчас вовсю готовим большую встречу. Нужно будет помочь…

Дальше Влад почти не слышал слов – лишь общий фон. Он смотрел, как легко Регин манипулирует. Как отец уже заворожён байками про футболистов, как Славка искрит от счастья, что станет частью важного дела, как мама умиляется.

Он всех очаровал. Втёрся. И теперь уже внутри.

– Кстати, Влад, – произнёс неожиданно Регин. – Я ненароком услышал, что ты спросил. Действительно, день авиации мы уже пропустили. Он проходит в августе, а в школе как раз каникулы. Дети разъезжаются, кто куда. Но вот день создания военной авиации, мы как раз отпраздновать можем. Это тем более мне близко. Мой отец был военным лётчиком. Сейчас у нас идёт большая подготовка, задействованы все кружковцы, но помощь взрослых мне тоже очень пригодиться.

– Александр Александрович готовит большой парад самолётов, – вмешался Славка. – Мы поднимем в воздух все модели, что у нас есть. Даже мой С-22 доведём до ума.

– Обязательно доведём, Слава, – успокоил его Регин. – Так же к нам приедут с других клубов нашей и Московской области. Ожидается, что будет более ста человек. Нужно будет встречать их, размещать. Провести экскурсии. На это уйдёт несколько дней. Сможешь ли ты мне помочь в этом вопросе?

– Не знаю, – смутился Влад. – Чем я смогу помочь?

– Работы будет море, обещаю! – рассмеялся Регин. – Было бы желание!

– В таком случае, помогу.

– Ну и здорово! По рукам?

Трудовик протянул сухую крепкую руку через стол, и Влад был вынужден пожать её.

– По рукам! Кстати, я приглашаю вас к себе на кружок. Мне Славик рассказывал, как вы хотите ходить ко мне. Вы и ваш друг… забыл его имя…

– Артём.

– Да, Артём. Почему же вы сами не пришли ко мне? Заставляете все делать младших?

«Когда же Артём успел сказать Славке? Ведь я же ещё не давал окончательного согласия!»

– Боялись, что не возьмёте, – пришлось оправдываться Владу. – Помните, тогда же не взяли!

– Ну! – хохотнул Регин. – Вспомнил! То был другой случай! Вы говорили не о кружке, а о замене учителя. А это уже совершенно другое!

С этими словами Регин приподнялся и спросил:

– Можно нам посекретничать с вашим сыном?

Мать за стол со всеми не садилась. То крутилась у плиты, то подавала на стол, и сейчас спокойно обронила:

– Конечно можно. Пройдите в его комнату.

Отец молча кивнул.

Оставаться наедине с Регином не хотелось. Ещё не до конца прошёл страх, что нагнал на него Артём. Естественно, он сейчас будет читать мораль, говорить, как нехорошо лазить по чужим дачам, что непристойное занятие и прочее, и прочее. Но, в любом случае, лучше это выслушать лично, без присутствия родителей.

Трудовик зашёл в комнату последним и прикрыл за собой дверь. На мгновение стало жутко, но Влад усилием воли подавил в себе последние остатки страха. Что он может сделать в его же собственном доме? Тем более, когда все дома?

Выражение лица трудовика было серьёзным и озабоченным.

– Я хотел поговорить с тобой об Артёме, – начал он. – Он очень странный мальчик. Давно наблюдаю за ним. Он постоянно вертится вокруг школы. Хотя, чтобы он на кого-то нападал или отбирал деньги у школьников, такого не замечалось. Хотя… Я наводил о нем справки. Отзывы только положительные. Но ты ведь знаешь, в тихом омуте черти водятся. И я не могу ручаться за него. Тем более, как я узнал, он пережил глубочайшую психологическую травму в детстве. И во что она выльется – ещё не известно. В любом случае, его нужно держать под контролем. Чтобы успеть предпринять необходимые меры, если вдруг что-то случится. Скажи мне, вы давно знакомы?

– Нет… мы общаемся меньше месяца.

– И ты ничего не замечал за ним странного?

– Ну… было пару раз…

– Что необычного ты видел? Он что-то говорил? Заставлял тебя делать?

– Нет. Просто он помешан на холодном оружии и одержим идеей найти убийцу своего деда. Его деда убили. Зарезали прямо на улице.

– Да, это очень тяжело пережить. А тем более, принять. Теперь он винит себя в его смерти, и, чтобы оправдаться, ищет преступника.

Действительно, как такая мысль ему самому не пришла в голову? Ведь это так логично!

– Будь очень осторожен с этим, – предупредил Регин. – Он может найти кого-нибудь более-менее подходящего под описание, и захочет свершить, как ему кажется, справедливый суд. В конце концов, из-за мальчишеской горячности он кончит свои дни за решёткой. Как, впрочем, и ты. По соучастию. Не потакай ему в этом. Здесь нужно подойти с умом, и я помогу вам. Прежде всего, нужно будет разузнать об этом деле как можно больше подробностей. Ты собирал какие-нибудь дополнительные свидетельства, материалы?

– Нет…

– Нет?! Вот это друг! Мой бывший ученик работает в прокуратуре, постараюсь что-нибудь разузнать через него. Обо всем, что мне станет известно, я буду держать тебя в курсе. От тебя я прошу того же. Если заметишь что-то подозрительное в поведении Артёма, сразу сообщай мне. Ты понял? Не оставайся один на один с этой проблемой. Только вместе мы сможем ему помочь.

Влад кивнул в ответ.

– Приходите с ним на занятия послезавтра. Познакомимся поближе. Хорошо?

Не этого ли хотел Артём?

– Конечно придём!

– Кстати, ты говорил, он большой ценитель холодного оружия? Передай ему от меня небольшой сувенир. Как-то у меня гостил один знакомый, тоже видный знаток. Так вот, в качестве благодарности, он оставил мне вот эту вещицу.

Регин вынул из-за спины обломок сабли. До сей поры его скрывал пиджак, но, тем не менее, почему его никто не заметил раньше?

– К сожалению, она сломана, и я, к своему стыду, даже не знаю, как она правильно называется. Не любитель подобного. Но то, что это настоящее, сомневаться не приходится.

Иван Алексеевич протянул оружие. Эфес сохранился почти в идеальном состоянии. Выполненный из кости или из рога, он имел деревянные накладки-щёчки. Весьма, кстати, затёртые. Местами проступала не слетевшая до конца позолота. На навершие красовалась искусно вырезанная голова орла.

Влад принял протянутый остаток сабли и залюбовался ею. Можно представить, какая это была красота, когда она была новой. Или, хотя бы целой. Теперь от клинка оставалось лишь сантиметров пятнадцать.

– Мне она все равно ни к чему, – произнёс Регин. – А Артём может заценит.

Он направился к выходу и сказал так, чтобы слышали родители на кухне:

– Значит договорились? Завтра вместе с Артёмом и Славкой встречаемся на занятиях?

– Конечно! – также громко отвечал Артём, пока прятал в стол подаренный эфес.

– Какой хороший человек! – произнесла мать, когда за гостем закрылась дверь. – Думаю, нашим детям повезло встретить на своём пути такого учителя!

Славка был с этим совершенно согласен.

Отец же, мысленно, уже держал в руках футбольный мяч с личным автографом Овчинникова, и мечтательная улыбка блуждала на его губах.

Глава 12

Игра на двоих

Спектакль был назначен на сегодня. Влад вспомнил об этом только с утра. Он хотел передать эфес как можно скорее, но решил, что лучше будет сделать это после спектакля – в качестве поздравления с премьерой. Поэтому не стал торопиться. Спокойно отвёл Славку в школу, отсидел все пары, даже у Антибиотика, который язвительно заметил:

– Что, Влад, больше не участвуете в представлении? Сейчас все на репетиции. Очень интересно узнать, тогда какую вы помощь оказывали?

Влад ответил что-то невпопад. Сейчас его совсем не волновала реакция преподавателя. Мысли были заняты премьерой Артёма (он искренне за него переживал) и тем, как преподнести эфес. А вдруг Артём не примет его, если узнает, от кого подарок? Может, вообще не стоит его передавать? Влад терзался сомнениями так сильно, что не заметил, как пролетели пары – их, к счастью, сократили из-за спектакля.

Он наспех побросал учебники в рюкзак, заботясь при этом, чтобы не слишком «светить» эфесом, и поспешил в актовый зал, надеясь занять место поудобнее. Вход был свободным, и зрителей обещало быть много.

Ещё за две недели до спектакля в холле университета появилась афиша. Её оформил Евгений Лебедев, парень с четвёртого курса, мечтавший стать художником, но поступивший на энергетика. Истосковавшись по кисти, он вложил в афишу всю душу. Даже портреты героев были выполнены почти фотореалистично. На переднем плане стоял мужчина, похожий на Артёма, с решительным видом, обнимая прекрасную девушку. За ними, на холме – мрачный город под тенью нависающего дракона. Из пасти чудовища вырывалась струя пламени, отражаясь в длинном клинке. Наверху ярко-красные буквы гласили:

«Дракон» (по Е. Шварцу)

(в постановке А. Коваленко)

Картина получилась эффектной и привлекла много желающих.

В зале действительно был аншлаг. Преподаватели и гости заняли первые ряды, а всё остальное пространство заполнили студенты. К сожалению, поместились не все. Остальным пообещали повтор спектакля – в случае успеха.

Влад, к своему разочарованию, оказался в числе тех, кто не попал. Всё из-за

того, что он столкнулся с Дашей Дрёмцевой – своей бывшей. До этого дня удавалось избегать с ней встреч. А если и сталкивались, она молча проходила мимо. Но сегодня всё было иначе. Ей понадобилось высказать ему всё, что накопилось – со скандалом, истерикой и слезами. Полный комплект. Неприятная сцена, не вовремя и не в том месте.

Потом ему попались знакомые, которые сообщили, что спектакль уже начался, и никого не пускают. Влад всё же пошёл, дёрнул дверь зала – и упёрся в спину Антонины Павловны. Она строго посмотрела на него и молча закрыла дверь прямо перед носом. Обидно было до слёз.

– Да пошли вы все со своими спектаклями, – пробурчал Влад, разворачиваясь. Но уйти не успел.

Дверь снова открылась, и из зала вышел Регин с папкой в руке. Влад опешил. Что он тут делает?

– Влад, ты-то мне и нужен! Уже не надеялся найти тебя – столько народу! Кстати, постановка весьма неплохая. И декорации – на уровне, как в настоящем театре! Но я не об этом. Разузнал что-нибудь по делу?

Влад покачал головой.

– Ну а я – разузнал! – Регин заговорил с воодушевлением. – Помнишь, ты говорил, что убийцу так и не нашли? Получается, он тебе не всё сказал. Впрочем, на – читай сам.

Он вынул из папки пожелтевшую газетную вырезку и протянул её Владу.

– Это мне дал Иван Андреевич Бубнов, друг и сослуживец Георгия Коваленко. Он тяжело переживал его смерть и следил за ходом дела. Интересный дед, кстати. Мне с ним и, помимо этого, было о чём поговорить. Кстати, вас стоит познакомить.

Но Влад уже не слушал. Слова из газетной вырезки переворачивали всё, что он знал, с ног на голову.

«Дело об убийстве бывшего полковника КГБ получило неожиданную развязку. Герой войны стал жертвой банального ограбления…

Двое убийц, совершивших дерзкое нападение на ветерана, задержаны и водворены в места заключения.

Ими оказались – неработающий двадцатидевятилетний…»

Пойманы?! Не может быть… Ничего не понимаю…

«…неработающий двадцатидевятилетний Тахир Арсенов и

тридцатитрёхлетний Виктор Мальцев. Помимо этого, они разыскивались за разбой, нападение на инкассаторскую машину и убийство двух милиционеров при исполнении. Арестованных ожидает высшая мера наказания…»

– Эта газета от какого числа?

– Позволь, – Регин отвернул уголок заголовка. – Здесь значится: 17 декабря 1994 года.

– Значит, преступников нашли уже через три месяца?

– Выходит, так. Так какого убийцу вы ищете? Кто-то из них вышел на свободу? Или здесь дело в чём-то другом?

– Н-н-не знаю, – замялся Влад. – Я спрошу. Кстати, можно взять статью?

– Конечно. Покажешь ему. Эфес-то уже передал?

– Нет ещё. Думал сделать это после спектакля. Но если вы всё равно здесь… может, сами и передадите?

– Нет-нет, – засмеялся Сан Саныч. – Тебе уже отдал – ты и передай. Пойдём лучше досмотрим, чем дело кончится. Честно сказать, видел эту пьесу много раз, но именно эта постановка доставляет мне особое наслаждение. Рекомендую!

– Меня не пускают, – пожаловался Влад. – Мест нет.

– Как нет? Я зарезервировал одно место, но мой товарищ, видимо, уже не подойдёт. Сядешь со мной?

Они прошли в зал совершенно беспрепятственно. Антонина Павловна в этот раз даже не произнесла ни слова. Седьмой ряд, третье место.

На сцене, в средневековых костюмах, стояли Артём, Лиза Самойлова и Глеб Казанцев – здоровенный парень, который практически не посещал занятия, вечно разъезжал, защищая честь университета на спортивных состязаниях. Как Артёму удалось уговорить его участвовать?

Глеб как раз угрожающе надвигался на Артёма:

– Знаешь ли ты, в какой день я появился на свет?

– Нет, – отвечал Артём. – Но уверен: он был поистине несчастным.

– Как раз мой любимый момент, – обрадовался трудовик. – Успели!

Глеб театрально усмехнулся и заговорил жутким голосом:

– В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение. Тебе понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные чёрные гробовики выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я – сын войны. Война – это я. Кровь мёртвых гуннов течёт в моих жилах. Это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен. Ты – против меня?

Следовательно, ты – против войны!

– Кого он играет? – прошептал Влад.

– Дракона. Артём – Ланцелот, а девушка – Эльза. Её должны принести в жертву.

– А Артём хочет этого не допустить?

– Совершенно верно.

На сцене Глеб уже нависал над Артёмом, громыхая:

– Против?!

– Отчего же? Я воюю всю жизнь.

– Я вижу – ты достойный противник. Поэтому я буду воевать с тобой всерьёз.

– Отлично.

– Это значит, я убью тебя немедленно. Здесь и сейчас.

“Лиза совершенно очаровательна в этом платье!” – подумал Влад.
“Почему я раньше не обращал на неё внимания? Такие выразительные глаза… такие тонкие плечи…”

Пока Влад любовался Лизой, дракон уже «улетел» искать место для боя, и на сцене остались только она и Артём.

– И вам не страшно умереть?

– Нет. Ведь я отдаю жизнь за родной город.

– Не говорите глупостей. Этот город примет вашу жертву совершенно равнодушно.

– Нет!

– Вы правы: не равнодушно, а с облегчением – «хорошо, что не мы».

– Не говорите так! Меня не станет в воскресенье, и до вторника город погрузится в траур. Целых три дня никто не будет есть мяса. К чаю будут подаваться особые булочки под названием «Бедная девушка» – в память обо мне.

– И это всё?

– А что ещё можно сделать?

– Убить дракона.

– Это невозможно. Единственный способ избавиться от дракона – иметь собственного.

– Неправда. Дракон извратил вашу душу, отравил кровь, затуманил зрение. Но, клянусь, мы всё это исправим.

– Кто – «мы»?

– Мы – внимательные, лёгкие люди. Мы до того легки, что нас пушинками

носит по свету, и мы очень легко вмешиваемся в чужие дела.

Вы знаете, что в мире есть огромная Жалостная Книга? Она спрятана в глубинной пещере Чёрных гор. К ней не прикасается никакая рука, но страница за страницей прибавляется – каждый день. Её пишет сам мир: горы, деревья, реки, травы, камни – они видят, что делают люди. Им известны все преступления, все напрасные страдания. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры человеческие жалобы – и книга растёт. Если бы не было этой книги, деревья бы засохли от тоски, а вода стала бы горькой. Она уже исписана до половины. И кто знает, что будет, когда перевернётся последняя страница?

– И для кого же она пишется?

– Наверное, для нас.

– Для «лёгких» людей?

– Да. Мы имели счастье – или несчастье – заглянуть в неё. А заглянувший однажды не успокоится. Ах, какая это жалостная книга! На эти жалобы невозможно не ответить. И мы отвечаем.

– Как?

– Вмешиваясь в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем тех, кого необходимо уничтожить.

“Ага!” – подумал Влад. *“Не этой ли идеей фикс живёт Артём? Не потому ли он утаил статью? Он ведь не мог о ней не знать!”*

После премьеры ждать Артёма пришлось долго. Все хотели поздравить его лично, пожать руку, сделать фото с артистами. Артём заметил Регина с Владом, но не выказал ни тени беспокойства – наоборот, широко улыбнулся и помахал рукой.

– Приятно видеть тебя в зале! А говорил, не придёшь!

– Передумал, – ответил Влад, чувствуя себя не в своей тарелке. Лучше бы и правда не приходил – избежал бы этой двусмысленной ситуации.

– Знакомьтесь, – нашёлся он. – Регин Александр Александрович, учитель труда в 108-й школе. А это – Артём Коваленко.

– Очень приятно, – протянул руку Регин. – Кажется, мы уже встречались возле школы?

Влад испугался, что Артём не ответит на рукопожатие и испортит всё. Но тот пожал руку.

– Возможно, – улыбнулся он. – Я часто гуляю в том парке. Там очень красиво.

– Вы правы. Должен признаться, от вашего представления я остался под

впечатлением. У вас, безусловно, талант! Возвращение Ланцелота вышло весьма эффектным.

– Ребята толковые попались.

– Не скромничайте! Без должной организации ничего бы не получилось. Кстати, Влад говорил, что вы, помимо всего прочего, интересуетесь ещё и авиацией?

– Дед был военным лётчиком.

– Как и мой отец! Вы, наверное, уже знаете, что я руковожу кружком авиамоделирования. И сейчас мы затеваем нечто масштабное. Ваше участие было бы очень кстати. Приходите завтра – всё покажу и объясню.

– С удовольствием приму ваше приглашение! Влад, ты ведь тоже пойдёшь? – Артём вопросительно взглянул на него.

– Конечно, я тоже.

– Отлично. Тогда – до завтра!

Регин откланялся с довольной улыбкой. А с лица Артёма тут же сползла улыбка.

– Ты понял? Его отец тоже был лётчиком!

Влад промолчал. В голове у него вспыхнула догадка: «Уж не для Регина ли специально ставился этот спектакль?» Чтобы проверить, он спросил:

– Ты знал, что он придёт?

– Естественно. Он не мог не прийти.

«Откуда такая уверенность?»

– Он, кстати, кое-что тебе передал, – продолжил Влад. Похоже, настал момент вручить «подарок». Только вот Влад не ожидал, что он окажется таким горьким.

Артём напрягся.

– Что?!

– Давай отойдём.

За кулисами уже никого не было, и они направились туда.

– Ну? – нетерпеливо бросил Артём.

– Сначала я хочу у тебя спросить: что это значит? – Влад достал из кармана сложенный в несколько раз газетный листок. Артём даже не стал на него смотреть.

– Это он тебе дал?

– Нет, – соврал Влад. Иначе пришлось бы объяснять, почему именно Регин это принёс. – Случайно попал в руки. Ты ведь говорил, что убийц твоего деда так

и не нашли!

Он хотел сказать это жёстче, но не смог.

– Так и не нашли! – вспыхнул Артём. – А этих отморозков просто подставили. Дело громкое, нужно было поскорее закрыть. Не знаю, что им пообещали, но они подписали признания. Через месяц узбека нашли повешенным, а Мальцева застрелили при попытке к бегству. Всё. Концы в воду.

Я сам долго шёл по ложному следу. И если бы это хоть как-то имело отношение к делу, я бы тебе сказал. Они тут ни при чём! Даже если допустить, что это были они, значит, у них был заказчик. А он остался безнаказанным. Это и есть корень зла, который будет прорастать снова и снова, если его не вырвать. А кто это сделает?!

– Может быть, ты слишком заигрался в Ланцелота и видишь только то, что хочешь видеть?

– Так… ты всё ещё со мной?

– С тобой.

– Может, перестал верить своим глазам? Забыл, что видел на даче?

– Не знаю, – замялся Влад. – Я уже не уверен… может, мне и правда померещилось.

– Понятно, – мрачно произнёс Артём. – Ты слишком долго был рядом с ним.

Он отвёл взгляд.

– Что он мне ещё передал, кроме этого?

Теперь Влад не стал юлить.

– Вот это.

Он достал из ранца эфес и протянул его. Лучше бы это была змея или граната – только не этот злосчастный обломок. Лицо Артёма побледнело, затем посерело. Он молча взял эфес и сел на низенький столик.

– Это она. Та самая карабела, которую дед взял вместо Грама. Она пропала в день убийства. Если бы на него напали, чтобы её украсть, разве позволили бы, чтобы она сломалась? Скорее всего, Регин сам её сломал, когда понял, что это не то, что он искал.

– То есть ты всё-таки уверен, что это он?

– А кто же ещё?! Кто тебе это дал? Откуда она у него?

– Он сказал, что один знакомый оставил её в подарок.

Артём горько рассмеялся.

– Знакомый… в подарок?.. Он просто издевается. Хочет вывести меня из равновесия. Орудие преступления тогда не нашли. А теперь он сам принёс его

мне: «Вот чем я зарезал твоего деда. Полюбуйся! Его собственным мечом. И что ты мне сделаешь?»

А я скажу, что сделаю… Я убью его. Тем мечом, который он сам же и выковал.

Влад смотрел на Артёма и ужасался. Его глаза блестели фанатичной решимостью, движения были нервными, сдерживаемо-ломаными. Он походил на одержимого манией человека. Наверное, так и было. Интересно, если бы Влад дал ему другой обломок – он сказал бы то же самое?

Наверное, Артём уловил выражение его глаз, чуть помедлил, потом взял себя в руки. Не пряча эфеса, пошёл через зал к выходу.

– У Регина встретимся.

Глава 13

Очищение огнём

Ждать пришлось недолго. Дверь снова отворилась, и в камеру вошли трое. Вскинув автоматы, они заняли позиции у стен. Следом внесли табурет, таз с водой, небольшое зеркальце, складную бритву и чистое вафельное полотенце. Следил за этим лично Вольфганг. Он же отомкнул браслеты на руках пленника и спокойно предупредил:

– Не делайте резких движений. Их могут неверно истолковать, и тогда вас убьют. У солдат соответствующий приказ.

Георгию и не хотелось никаких резких движений. Вообще – никаких движений. Тело было ватным, мысли текли с трудом. Единственное желание – очиститься. Содрать с себя засохшую кровь, хоть немного почувствовать себя человеком.

– Вы же хотели побриться, – снова заговорил Вольфганг. – Вот и брейтесь. А после этого вас отведут в душевую.

Вот это уже было заманчиво. В комнате остались он, переводчик и трое автоматчиков. Можно ли сбежать? Если только взять Вольфганга в заложники. Но тот держался осторожно, на приличном расстоянии. Расстреляют ещё до того, как он поднимется с табурета. Да и что за дверью? Непонятно. Всё равно нужно идти – хоть в душ, хоть в смерть. А пока – умыться и побриться.

Георгий опустил руки в воду. Из-под пальцев пошла мутная красная взвесь. Он провёл ладонью по предплечью – и грязь сошла вместе с волосами. Вздрогнув, он повторил на другой руке. Тот же эффект. Волосы словно растворялись под кожей или отпадали от одного прикосновения.

Что за чёрт? Что это – химия, вода, кровь? Или он сам уже не совсем человек?

Он зачерпнул воды, чтобы умыться – и тут же почувствовал, как в ладонях остаются комки щетины. Не выбритой, не срезанной – словно вывалившейся. Он провёл рукой по голове. В пальцах остался клок волос. Тот самый страх, с которым сталкиваются облучённые, скользнул по спине. Что они вкололи ему? Что сделали?

Но и немцы были ошарашены. Даже солдаты с оружием смотрели на него с плохо скрываемым отвращением и ужасом. Отступили бы ещё дальше – если бы не стена за спиной. Лишь Вольфганг, напротив, выглядел не испуганным, а встревоженным и… задумчивым. Он нахмурился, медленно поднялся с табурета и произнёс:

– Похоже, бритва вам больше не нужна. Передайте её мне. Только медленно.

По полу.

Георгий послушно отпустил бритву. Та звякнула о каменный пол и медленно подплыла к ногам Вольфганга. Тот наклонился, чтобы её поднять… и в этот момент из стены, со стороны коридора, вынырнул светящийся огненно-золотой шар.

Он словно вылез из самого бетона. Искрящийся, пульсирующий, вращающийся с бешеной скоростью. Проплыл до центра комнаты и завис в воздухе, вращаясь против часовой стрелки – подобно демонической механической бомбе.

– Unmöglich… – выдохнул Вольфганг, не выпрямляясь. – Beweg dich nicht… Es sieht aus wie ein Feuerball…

– Не двигайтесь! – повторил он по-русски, едва слышно, не отрывая взгляда от шара.

Но что-то случилось. Может, Георгий пошевелился. Может, шар сам ощутил его присутствие. Только вдруг – он метнулся вперёд и ударил точно в грудь.

Раздался взрыв. Не громкий, но глухой и всепоглощающий, как если бы кто-то хлопнул дверью между мирами. В тот же миг из тела шара, точно снаряды, вырвались три искры и метнулись по остальным фигурам, застывшим у стен…

Воздух вокруг смердел серой и горелой плотью. Едким чадом выедало глаза. Георгий, с несвойственным ему равнодушием, смотрел на то, что осталось от его пленителей: штиблеты сапог и искорёженные стволы оружия. Эта ближняя куча праха, кажется, была Вольфгангом. Из праха был взят – к праху и вернулся.

На Георгии тоже не осталось ни одежды, ни волос. Всё равно выпали бы после нацистских экспериментов. Но он был жив. Удивительно, что от удара не осталось ни шрамов, ни ожогов. Только одно – на груди, туда, куда она ударила, появилась отметина в виде небольшой стрелки, обращённой вверх. Странные штуки иногда вытворяет шаровая молния.

Двери камеры всё ещё оставались приоткрыты. За ними лежал ещё один немец с дырой посередине. Реагировать на взрыв было просто некому. Дальше, по пути, попадались ещё несколько трупов с аналогичными следами. Явно чья-то аккуратная работа. Простым природным явлением тут не пахло. Дракон?

Размышляя, Георгий направлялся вовсе не к выходу. Напротив – шёл всё глубже, вниз по коридору. Безошибочно выбирая нужные повороты. Будто ведомый чьей-то волей. Послушной марионеткой двигался к цели. Направо, налево, ещё раз направо…

Впереди открылся небольшой зал. В его центре, на мозаичном полу, – чёрное солнце. Вокруг, точно очаг, – круглый стол с высокими стульями, обитыми красным бархатом. На столе, перед каждым из двенадцати стульев, –

именные серебряные перстни в виде черепов. На стене – гобелены со свастикой. И один – с чёрным драконом. Рядом с ним, между двумя факелами, висело то, зачем он пришёл.

Теперь он узнал его. Был ли это тот самый меч, который немцы заносили в камеру?.. Вряд ли.

Будто в оцепенении, Георгий подошёл, чтобы снять его. И едва рука коснулась меча – в полной тишине раздались три выстрела. Один за другим. В спину ударило горячим. Георгий в недоумении развернулся – и увидел перекошенное от ненависти лицо Готтарда. В его руках дрожал едва дымящийся люгер. Он попытался выстрелить ещё раз – но пистолет заклинило.

Он продолжал тщетные попытки, даже когда понял: пули не причинили противнику никакого вреда. Всё жал и жал на курок, а заветная пуля, что должна была разнести череп безумному русскому, так и не вылетела…

Глава 14

Кровь на скале

Георгий сидел на камне и смотрел на голову Готтарда. Та покоилась на валуне напротив, и заходящее солнце бликовало на её гладко выбритой макушке. Глаза Готтарда были широко раскрыты и, казалось, он всё ещё смотрит на Георгия – с тем же ужасом и недоумением.

Георгию нравился этот взгляд. Возможно, именно поэтому он и взял голову с собой.

Что-то в нём исказилось. Побеждая одно зло – нельзя ли самому стать злом худшим? И победа ли это, если за ней – лишь пустота и безразличие к жизни? Скажи мне, голова… Что там, после?

– Ты изменился, Несостоявшийся, – раздался позади хриплый, шипящий голос. Совсем близко.

Георгий не вздрогнул. Спокойно обернулся и встретил взгляд чудовища. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Сейчас он чувствовал в себе силу – если не большую, то равную драконьей. Змей чувствовал это тоже. Он перевёл взгляд на голову Готтарда и усмехнулся.

– Вижу, ты получил его. Верни. Время исправить старые ошибки.

Георгий молчал.

– Где меч?! – взревел дракон. – Положи его на скалу, я сожгу его!

– Конечно. Только сначала ответь – как у тебя вышел тот фокус с молнией?

– С какой молнией?

Дракон насторожился. Медленно двинулся вперёд, скользнув взглядом по Георгию. Тот расстегнул окровавленный мундир, недавно принадлежавший его молчаливому оппоненту. На бледной коже ярко проступал ожог – в виде красной стрелы, устремлённой вверх.

– Тюр… – на миг Георгию показалось, что в глазах дракона мелькнул страх. Но затем тот рассмеялся:

– Дурак. Боги мертвы. Даже не надейся на них. Откуда у тебя это?

– Неважно. Почему ты назвал меня Несостоявшимся?

– А кто ты? Думаешь, я случайно выбрал тебя тогда? Нет. Я чуял тебя, как волк чует пса. Ты – один из тех, кто мог стать драконом, но не стал. И никогда не станет. Ваш род выродился, стал неполноценным. В зависти к нам вы истребляете нас. Люди зовут вас драконоборцами. А мы – несостоявшимися.

Он прищурился:

– А теперь отдай мне меч. И, клянусь, не стану тебя убивать. На этот раз.

– *Не страшно…* – мысль о мече придавала уверенности. – *Посмотрим, кто из нас несостоявшийся. Если змей не врёт – значит, кто-то действительно помог мне. Кто-то, кому подвластны молнии. Кто уничтожил целый секретный бункер. Третья сила? Тот, кого не знает даже дракон. Он думает, что я призвал Старых Богов… Но кто это был на самом деле? Неважно. Важно, что мне помогли. А это значит – я нужен. Зачем? Зачем оставлять жизнь несостоявшемуся? Очевидно – чтобы он продолжал выполнять свою функцию. А какова функция несостоявшихся?.. Убивать драконов!*

Георгий поднялся.

– Сейчас будет тебе меч.

Он взобрался повыше, на нависающую скалу. Разгрёб камни – и в его руках блеснула узкая полоска стали. От тёплой рукояти по телу разлилось тепло, словно рой мурашек. Сознание прояснилось – будто его окатили ледяной водой. Георгий даже испугался – настолько живыми и острыми стали его мысли. Они резали череп изнутри, прорывались сквозь мозг.

Казалось, одним усилием воли он сможет пригвоздить дракона к земле. Опутать цепью, парализовать волю. Он поднял глаза – и из расширившихся чёрных зрачков, на распластавшегося внизу змея смотрел уже не он.

Дракон дёрнулся, словно от щелчка бичом.

– Не глупи! – прошипел он. – Иначе мне придётся нарушить слово… и сжечь тебя вместе с мечом!

«Крыло! Самая уязвимая часть!» – пронеслось в голове. – *«Ударить нужно точно. Второго шанса не будет. Сейчас он наберёт газ, чтобы извергнуть пламя. Для этого ему придётся приподнять крылья и зажмуриться – всего на мгновение. Не прозевай… Прыгай!»*

На Георгия уже летела струя огня. Она должна была обратить его в пепел, но лишь опалила камни, на которых он стоял. В тот же миг – хрустнула кость под ударом, а меч с глухим треском рассёк крыло, прорвав парусную ткань.

Бешеный рёв – боль и ярость вперемешку – оглушил Георгия. Дракон кричал: одновременно жалобно и страшно. Мгновением позже хлестнул хвост. Удар, который с лёгкостью убил бы быка, припечатал Георгия к скале.

Когтистая лапа взмыла, чтобы добить смертного. Но в последний момент она напоролась на выставленный вперёд меч. Острие вышло с обратной стороны, пронзив насквозь. Новый, звериный вопль. Георгию стоило нечеловеческих усилий удержать меч, когда дракон резко дёрнул раненую конечность.

Хромая, волоча по земле крыло, змей метнулся вверх – к одному из лазов, ведущих в его пещеры. Туда, где его не достать.

Георгий попытался броситься следом – но силы покинули его. Вернулась боль. Жгучая, выворачивающая всё изнутри. Он сделал ещё несколько шагов… и рухнул вперёд, как скошенный стебель.

Меч звякнул о камень, выпав из ослабевших пальцев.

Глава 15

Ключи от темноты

Встретились возле магазина. Артём опоздал, сухо поздоровался, избегая смотреть Владу в глаза. Моросил привычный питерский дождь – защищаться от такого несерьёзно. Мокли волосы, мокли глаза. Шли молча. Артём сейчас казался чужим, совершенно незнакомым человеком. Влад физически ощущал, как рвётся прежде прочная нить их дружбы. Хотелось что-то сказать, крикнуть. Хотелось, чтобы Артём произнёс хоть что-нибудь. Но тот молчал и только смотрел суженными серыми глазами в бесцветное небо.

Разве Влад виноват? Если бы Артём рассказал всё с самого начала, если бы не оставил столько недоговорённостей, которыми немедленно воспользовался Регин, разве случилось бы всё это? Он сам стал игрушкой в чужих руках и искренне не понимал, какое право теперь имеет Артём обижаться. Сам виноват! В конце концов, Влад ведь устроил встречу с трудовиком именно на тех условиях, о которых просил Артём! Так в чём дело? Он много чего хотел сказать другу, но тоже молчал. Сунул руки в карманы ветровки, поднял воротник и, угрюмо глядя на мокрый асфальт, шёл следом, не обходя луж.

– Иди первым, – Артём пропустил Влада в узкую калитку школы. Влад, проходя, впервые за этот вечер посмотрел ему в глаза. Ничего…

Занятие у Регина проходило в кабинете. Первым заметил Влада Славка и бросился обниматься. Родная душа! Следом вошёл Артём и негромко поздоровался.

Ребята стояли и сидели за верстаками. Кто-то выпиливал, кто-то строгал. Большинство просто обматывали нитками деревянные детали и смазывали их клеем. Судя по лицам, такая работа им явно не нравилась. На вошедших ученики особого внимания не обратили, зато Регин сразу просиял:

– Пришли, всё-таки пришли! Молодцы! Очень кстати! У нас ещё двадцать минут занятия! Может, кофе? Нет? Хорошо, тогда сразу к делу.

Регин подошёл к своему столу и развернул большой чертёж:

– Взгляните! Мы хотим с ребятами собрать радиоуправляемую модель «И-16».

– А почему именно его? – поинтересовался Артём.

– Признаться, здесь есть мой личный интерес. Я уже говорил вам, что мой отец был лётчиком. Начинал он летать именно на таком самолёте. И на нём же сбил свой первый вражеский самолёт. Можно сказать, это своеобразный долг памяти.

По программе на второй день заезда у нас пройдут воздушные

показательные бои для зрителей. Как дуэльные, так и командные. Вот мы и хотим выставить наш «ишачок». Правда, для такого он будет тяжеловат, но мы прикроем его парой лёгких «крыльев».

С размещением гостей вопрос тоже, в принципе, решён. Ваш ректор, к слову, мой давний знакомый, согласился предоставить комнаты в общежитии. Кстати, я увидел вашу афишу, когда приходил к нему с этим вопросом. Должен сказать, спектакль ваш произвёл на меня впечатление!

Артём ответил на комплимент лёгким кивком.

– Единственное, что с питанием пока не окончательно оговорено. Но он обещал помочь и в этом.

– На сегодняшний момент об участии заявили семь команд, – продолжил Регин. – В каждой по шесть-восемь человек. У меня к вам просьба следующего рода: не могли бы мы вместе организовать встречу участников и, возможно, провести с ними небольшую экскурсию по городу? Вместе придумаем, куда их лучше сводить.

– Я точно смогу, – ответил Влад и взглянул на Артёма.

– Если нужно будет, то да! – заявил тот.

– Нужно будет, и даже очень! – Регин свернул чертёж. – Работы много, а времени, как всегда, в обрез. Каждый день приходится задерживаться допоздна, готовить заготовки, распилы. Всё серьёзно. Я потом расскажу вам весь план мероприятий.

– Сан Саныч! – послышался обиженный голосок. – Петя мне рубанок не даёт!

– А почему Петя должен тебе его дать? Ты же видишь, что он сейчас им работает.

– Ну мне быстро надо! Чиркнуть только! А ему ещё долго!

– Учись договариваться! Пригодится.

Регин даже не повернулся в ту сторону. А Влад заметил, что чуть позже Петя сам обстругал дощечку для паренька.

– Вы знаете, – продолжил Регин, – у меня есть одна безумная мечта. Я хочу добиться того, чтобы авиамодельный спорт получил официальное признание. Чтобы его внесли во Всероссийский реестр спорта, как на Западе.

– А что, приходилось там бывать? – невзначай спросил Артём.

– Да, в Германии. Родственники не так давно туда переехали.

– И как? Понравилось? Не думаете сами уехать?

Регин скривил лицо, затем расхохотался.

– Сразу видно – внук чекиста! Такие вопросы! Понравилось, не скрою. Порядка там больше. Только вот дышится здесь легче. Да и что я там делать

буду без языка? Кстати, Влад тебе передал от меня клинок? Вернее, обломок?

У Артёма сжались челюсти – до белизны.

– Да, передал. Спасибо.

Регин улыбнулся:

– Мне он всё равно ни к чему, а ты, я знаю, знаток холодного оружия. К тому же у деда музей был. Как он, сохранился?

– Сохранился. А откуда вы знаете? Были знакомы с моим дедом?

– Я – нет. А вот отец мой, возможно. Тоже был лётчиком, тоже любил холодное оружие. Правда, не коллекционировал, но на этой почве они вполне могли сойтись. Хотя лично я об этом знакомстве ничего не знаю.

– А где сейчас ваш отец?

– Умер шесть лет назад. Похоронил в Смоленске, он оттуда родом был…

Саныч хлопнул себя по коленям.

– Ну, что это мы всё о грустном? Жизнь продолжается! Так, ребята, заканчиваем! – это он уже обратился к школьникам.

– Ну можно полчасика ещё? Немного доделать осталось!

– Нет, уже темно! Родители волноваться начнут. Завтра, если хотите, приходите после уроков. И не забудьте после себя убрать! У кого останется грязь на столе – к занятиям не допущу!

Дети нехотя принялись за уборку. В классе поднялся шум. Некоторые родители, оказывается, уже стояли за дверью и теперь заходили внутрь. Регину пришлось переключиться на них.

– Не смею вас больше задерживать, – обернулся он к ребятам. – На сегодня всё. А вот завтра, похоже, мне понадобится ваша помощь. Кто-нибудь из вас разбирается в компьютерах?

– Я, – опешил от неожиданного вопроса Влад.

– Отлично! – потёр руки Регин. – Возможно, ты мне сможешь помочь прямо сейчас? Ты не слишком торопишься? Хотя бы просто взгляни – может, там ничего серьёзного, а я уже распереживался!

– Хорошо, могу.

– Тогда не будем терять времени. Он у меня наверху, в подсобке. Поднимемся?

Не дожидаясь ответа, Регин извинился перед родителями и направился к выходу.

– Артём, можешь пока за ребятами присмотреть? Мы ненадолго.

– Наверное, вас сам Господь Бог мне послал! – продолжал изливаться в

похвалах Регин, пока они шли по длинному тёмному коридору к лестнице. – Столько отчётов! Вы даже не представляете! И тут, как назло, компьютер забарахлил! Я уже нашего программиста просил, но он очень редко здесь бывает. Когда теперь ещё зайдёт? А тут – вы!

Владу было неприятно слушать это суесловие. Наслушался за много лет. Скольким он уже помогал с настройкой компов, и все, как один, произносили одинаковые фразы. Будто существовало некое тайное пособие для пользователей, где все эти банальности были записаны и обязательны к заучиванию. Звучит лестно, но совсем неискренне. Лучше бы просто молчали… наверное.

Чтобы остановить поток ненужных слов, Влад спросил:

– А подсобка у вас где?

– На верхнем этаже, возле туалета.

Влад знал это помещение. Небольшая комнатка, где хранились тряпки, швабры и прочий инвентарь техперсонала. Одно время, когда она была почти бесхозной, старшеклассники прятались там курить. Далековато от кабинета труда…

– Вы что, не туда? – удивился Влад, когда Регин вместо верхнего этажа направился вниз по лестнице.

– Нет, сначала возьмём ключи. Они у меня в подвале.

Внизу была непроглядная тьма. Пугающая, холодная. Скрип открываемой железной двери до дрожи пронзил тело. Влад вспомнил ту ночь, сарай и ужас, испытанный при виде тех немигающих жёлтых глаз. Сейчас казалось, что эти глаза вот-вот резко вспыхнут в глубине подвала и убежать на этот раз не удастся.

Но щёлкнул выключатель, и мягкий, тёплый свет разогнал темноту. Изгнал всех неизведанных монстров, вернул привычную будничность. Стало даже стыдно за свои детские страхи.

– Ты идёшь? – из-за двери показалось лицо трудовика. – Хочу немного похвастаться.

Глава 16

Только наверх!

Солнце ласково согревало щёку. Божья коровка медленно ползла по ней и вдруг остановилась в нерешительности. Несколько мгновений она словно раздумывала, куда направиться дальше. Наконец, развернув свою алую броню, тяжело перелетела на соседний жёлтый цветок. В воздухе, дрожа, играли золотистые лучи, отчего окружающее пространство казалось нереальным, словно сон.

Даже не скажешь, что идёт война. Так же трава тянется к небу, каждый цветок ликует солнцу, каждая букашка занята своей повседневной суетой. Тишина и покой… Обманчивое спокойствие.

Может, и не вставать больше? Лежать здесь, пока не врастёшь в землю, пока не станешь частью этих камней. Или деревом! Одиноким деревцем среди простора, над которым только горы и бесконечное небо. А позже какая-нибудь пташка совьёт в моих ветвях гнездо и будет петь мне свои песни…

Георгий лежал, полностью отрешённый от реальности, пока его слух не уловил тревожный, отдалённый гул. Капитан замер, напрягся. Ветер донёс до него обрывки немецкой речи. «Прочёсывают гору!»

Мгновенно стряхнув с себя усталость, он вскочил на ноги и, пригибаясь, бросился прочь. Только спустя несколько шагов вспомнил про меч – пришлось вернуться, теряя драгоценные секунды.

– Da ist er! Schießen! – раздался крик позади.

Автоматная очередь с треском застучала по камням, веером выплёскивая из них острые осколки. Один из них больно хлестнул Георгия по щеке. «Только наверх!»

Сердце бешено колотилось, словно пытаясь вырваться наружу. Воздуха катастрофически не хватало, каждый шаг давался с огромным трудом. Но другого выбора не было. Пригибаясь и прячась за валунами, Георгий каким-то чудом успел добраться до узкого, почти незаметного лаза. Чёрная дыра, уходящая внутрь горы, выглядела единственной надеждой на спасение.

Капитан не колебался ни секунды и бросился в эту спасительную тьму. Каменные стены сомкнулись вокруг, приглушив яркий свет снаружи. Преследователи вряд ли рискнут сунуться сюда. «Вольфганг говорил, что в этой горе целая сеть запутанных ходов, – вспомнил Георгий. – Надо надеяться, что не соврал».

Темнота сомкнулась плотным покрывалом, дышать стало легче. Он прислушался: звуки преследования постепенно стихали. Тишина вновь

обволокла его, на этот раз тяжёлая и зловещая.

Георгий осторожно двинулся вперёд, ощупывая путь руками. Холодный камень казался влажным и скользким, но шаг за шагом уверенность возвращалась к нему. «Посмотрим, куда выведут эти туннели. Надеюсь, интуиция, что вела меня в бункере, не подведёт и теперь. Или, может, это боги? Не важно. Лишь бы не бросили сейчас! Пусть хоть в последний раз выведут на свет! Иначе – ради чего всё это было?»

Капитан долго двигался вперёд. Шаг, ещё шаг… Впереди путь слегка расширился, и он почувствовал поток свежего воздуха. Сердце подпрыгнуло от надежды. Это значило, что где-то дальше есть выход. А значит, есть и шанс…

Глава 17

Капля истины

Во время Владовой учёбы здесь находился кабинет НВП. После недавней реконструкции школы помещение досталось Регину под склад. То количество моделей, которое выставлялось наверху, оказалось каплей в море по сравнению с тем, что творилось здесь. Самолётами всевозможных типов и марок были завалены все столы и шкафы. Они поодиночке и целыми гроздьями свисали с потолка: тяжёлые бомбардировщики, изящные истребители и неуклюжие планеры. На ореховых полках миниатюрные армии солдат вели свои бесконечные войны. Строй викингов, воздев топоры, рассыпался в яростной атаке, а рыцари хладнокровно смотрели на них сквозь решётки забрал, выжидая подходящего момента для удара. Живописные диорамы изображали битвы крестоносцев и сарацин, римлян и варваров, паладинов и драконов.

Везёт же Владу на всяких коллекционеров! Правда, он сам в детстве долго собирал марки. Тогда многие этим увлекались – значки, вкладыши от жвачек… Но такое богатство он видел впервые.

– Моя слабость не только самолёты, но и раннее Средневековье, – признался Регин, с довольной улыбкой наблюдая за удивлением на лице Влада. – Правда, здесь такого почти не найдёшь. Я, в основном, приобретал эти вещи в Германии. Хоть цена и кусается, но, как говорят немцы: *«Leidenschaft oft viel Leiden schafft»* – «Страсть зачастую приносит много страданий».

– Так вы всё-таки говорите по-немецки? – поднял бровь Влад.

– Немного, – уклончиво ответил Регин. Он подошёл к большому платяному шкафу и снял с торчащего из дверцы гвоздя ключ. – Вот, бери. Это от каморки. Можешь не возвращать, это дубликат. Пусть пока будет у тебя. Мы ведь теперь работаем вместе?

Влад неуверенно кивнул.

– Располагайся, – Сан Саныч указал на диван. – Ты уже, наверное, понял, что я позвал тебя не из-за компьютера. Его потом посмотришь. Я хочу серьёзно поговорить насчёт Артёма. Он ещё не отказался от своей идеи? Так и думал. Не понравился он мне сегодня. Следи за ним внимательнее. Он должен тебе рассказать. Возможно, даже захочет втянуть тебя в это дело. В любом случае сразу сообщи мне. Думаю, вместе мы сможем остановить его без вмешательства милиции. Мы ведь не хотим их привлекать, верно?

Регин подошёл к полке, и в его руках неожиданно появился большой складной нож, будто выполненный из серебра. Гравированное лезвие отливало лунным светом, то появляясь, то исчезая в искусно сплетённой из серебряной

проволоки рукояти.

Учитель продолжал говорить, а Влад с тревогой наблюдал, как тот, небрежно поигрывая ножом, постепенно приближался к нему. Узоры на лезвии становились всё отчётливее, и казалось, что они оживают, плавно перетекая один в другой.

– Скажу тебе кое-что… Мне удалось выяснить, что дед Артёма во время войны попал в руки СС и подвергся там страшным испытаниям. О тех бесчеловечных опытах, которые они проводили над людьми, даже говорить страшно, не то что пережить такое. Ему вводили инъекции, которые ломали тело и вызывали дьявольские видения. Клетки мозга при этом необратимо разрушались. Естественно, после такого он уже не мог оставаться полноценным человеком. Я имею в виду психику. Не знаю, каким чудом он остался в живых и как смог вернуться домой, но факт остаётся фактом.

Слова плыли по воздуху, словно сквозь густой кисель, и эхом отражались в ушах: «безумен… фактом… фактом… фактом…». Влад резко тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение, а Регин продолжал:

– Конечно, сначала он ещё держался. Иначе бы его не произвели в полковники. Но к концу жизни его безумие уже нельзя было скрыть. Я через ректора связался с родителями Артёма и поговорил с его отцом. То, что он рассказал… – Регин многозначительно покачал головой. – Не нужно быть психиатром, чтобы понять: случай клинический. Параноидальная шизофрения. А ты знаешь, такие болезни могут передаваться по наследству. И наиболее остро подвержены риску люди через поколение. Боюсь, Артём не стал исключением. Пока не всё запущено, врачи ещё могут помочь. Подумай об этом. Пока не упоминай о нашем разговоре. Но как только заметишь что-то странное – пулей ко мне. Мы ведь хотим ему помочь, верно?

– Верно, – ответил Влад и совершенно не узнал своего голоса.

Регин отстранился от Влада и довольно запрокинул голову.

– Как думаешь, для чего над старшим Коваленко проводили такие опыты? Не знаешь? А я тебе скажу. В Нижних Татрах, в Словакии, до сих пор ходят легенды о драконе, который жил в тех горах. Там множество пещер и подземных ходов. Драконьих, естественно. – Регин улыбнулся. – Диггеры уже излазили их вдоль и поперёк. Нашли массу костей пещерных медведей, оружие времён Первой и Второй мировых войн. Никакого дракона. Но мифы живучи. СС, особенно падкая на подобные истории, немедленно окружила район плотным кольцом. Исследовала его и, по некоторым данным, даже вышла с драконом на контакт. Потом он резко исчез, и откуда-то появился загадочный русский. Сквозь оцепление он пробраться не мог. Учитывая невероятность такого появления, было решено проверить его на связь с драконом. Более того, как бы абсурдно это ни звучало, уточнить, не является ли он сам этим драконом. Вот

тогда-то и потребовалась некая инъекция. Они не знали, что существует более простой способ.

– Какой?

– Какой? – Регин резко обернулся. – Ты когда-нибудь слышал о голубой крови?

– Да, аристократы себя так называли. Будто бы у них не такая кровь, как у всех. Чтобы иметь отличие от черни не только в статусе.

– Нет дыма без огня. Действительно, были такие люди. Они даже управляли миром в своё время. Только вели они свою родословную не от обезьян, а от змееподобных существ – нагов, или виевичей, как их здесь называли. Кровь в их жилах была не красной, а голубой. Такой же, как сейчас у осьминогов и некоторых ящериц. Потомки тех людей частично сохранили её. На первый взгляд кровь обычная, но если подержать её на серебре или меди, разница становится заметной.

Регин легко провёл ножом по своей ладони, и лезвие мгновенно обагрилось. Затем произошло невероятное – кровь на клинке на глазах из красной превратилась в синюю.

От удивления Влад широко распахнул глаза. Губы мгновенно пересохли. Он не мог поверить тому, что видел.

Регину был понятен и приятен этот страх, но главное было впереди.

– Представь такую ситуацию, – неторопливо заговорил он, – вдруг выясняется, что ты являешься родственником очень влиятельного и сказочно богатого человека. Неожиданно он умирает, и в завещании указано, что единственным наследником являешься именно ты. Понимаю, ситуация невероятная, но просто пофантазируй. В завещании предусмотрено два варианта вступления в наследство. Первый – самый простой. Владелец корпорации был далеко не глуп и понимал, что в своём нынешнем состоянии ты не сможешь правильно распоряжаться прибылью. У тебя просто не хватит знаний и опыта. Поэтому, если ты выберешь первый вариант, то незамедлительно получишь двадцать пять процентов от всего состояния и обо всём забываешь. Тебе больше никогда не придётся ни о чём думать, этих денег хватит с лихвой до конца жизни. Ты сможешь жить в своё удовольствие, ни в чём себе не отказывая. Купишь виллу на берегу тёплого моря, будешь нежиться в бассейне и неспешно потягивать любимый коктейль.

– Неплохой вариант, – с нервной улыбкой оценил Влад. – Уверен, что миллионы людей выбрали бы именно его. А второй что предлагает?

– Второй даёт всё. Но не сразу. Сначала нужно выучиться, освоить все правила и законы большого бизнеса, обрасти связями. В твоём случае на это уйдёт не меньше десяти лет. После успешной сдачи экзаменов ты сможешь

войти в компанию полновластным хозяином. Но независимо от того, какой путь ты выберешь, сначала потребуется доказать правомерность своего наследования.

– Каким образом? Анализ ДНК?

– Что-то в этом роде.

Регин вытер нож и протянул его Владу.

– Если боишься порезать ладонь, можешь порезать палец. Этого будет достаточно.

– Зачем? – попытался возмутиться Влад. – Ведь это же не по-настоящему!

Регин продолжал смотреть на него настойчиво и твёрдо.

«Глупость какая!» – раздражённо подумал Влад. Но, чтобы не показаться малодушным, решился на порез. Осторожно приложил лезвие к подушечке большого пальца, чуть прижал и потянул на себя.

Кожа легко разошлась, и из раны, сначала нехотя, а затем всё увереннее, выступила кровь.

– Приложи нож! – властно приказал Регин.

Влад подчинился и тут же пожалел об этом. Нет, кровь не стала такой же, как у Регина – у того она была ярко-синей. У Влада же она казалась разбавленной, бледно-голубой. Но тем не менее, явно не красной.

– Это что, фокус какой-то? – испуганно спросил Влад.

– Нет, – серьёзно ответил Регин. – Просто ты прошёл тест. Теперь тебе выбирать: первый вариант или второй.

Глава 18

Фестиваль не состоится

Дети уже давно разошлись, и Влад нашёл Артёма в холле. Тот стоял в углу, уставившись в тёмное окно, и ждал его. Он не упрекнул Влада за долгое отсутствие, только спросил:

– Ну как, починил?

– Да, – опустил глаза Влад. – Пришлось повозиться.

Артём бросил вопросительный взгляд на забинтованный палец.

– О системник порезался, когда разбирал. У Саныча аптечка была.

– Саныча… Но… Аптечка – это хорошо. Надеюсь, не сильно?

– Пустяки. До свадьбы заживёт.

Артём дружески приобнял Влада за плечи, направляя к выходу, и шутливо спросил:

– А когда на свадьбе гулять будем?

– Скорей уж на твоей, – отшутился Влад.

Артём рассмеялся. Вахтёр проводил их до двери неодобрительным взглядом.

– Что ты думаешь о Лизе? – вдруг спросил Артём, когда они вышли на улицу.

Влад внимательно посмотрел на него. *Как быстро у него меняется настроение!* Сюда шёл, как на эшафот – хмурый, мрачный. А сейчас светится как солнышко. От прежней холодности не осталось и следа.

– Какой Лизе?

– Той, что играла Эльзу со мной.

– А-а-а… – Перед глазами Влада всплыла сцена спектакля. Какая же она была хорошенькая! Её серо-голубые глаза смотрели на мир так испуганно и невинно. Густые русые волосы были собраны наверх в простой, но очень ей шедшей причёске. Выбившиеся локоны падали на белоснежную кожу высокой шеи. У ключиц подрагивала тонкая голубая жилка… Влад вспомнил, как ему нестерпимо хотелось прикоснуться к ней губами. И как взгляд метался то к ней, то к бретельке платья, которая упорно не желала соскользнуть… Игла ревности кольнула его, но он ответил как можно равнодушнее:

– Вспомнил. Ничего себе так. А что?

– Я пригласил её сегодня в кафе!

Какой шустрый!

– И что, она согласилась?

– Согласилась. Переодеться я уже не успеваю, поэтому беру цветы и сразу к ней. Надеюсь, поймёт!

Теперь мрачнеть настала очередь Влада.

– Удачи, – натянуто улыбнулся он. – Просто не думал, что, кроме драконов, тебя вообще что-то интересует. Шучу, шучу. Конечно поймёт. Лиза – хорошая девушка.

Чтобы сменить тему, он спросил:

– А как насчёт фестиваля? Как будем проводить экскурсию?

– Никак. Фестиваль, конечно, вещь дельная. Только жаль, что не состоится.

– Почему? – удивился Влад.

– Потому что всё должно решиться завтра.

– Что должно… – Влад не договорил. Сам понял.

Мысли роились в голове. Слова, фразы, вопросы гудели, жалили язык. Но он удержал их, не дал вырваться. Только одно слово:

– Когда?

– Завтра вечером. В это же время.

– А сторож? Он нас увидит!

– Не должен. Всё сделаем тихо. Одна из запасных дверей останется открытой. Я уже проверил: она запирается всего лишь на один болт. Сторож выходит на обход примерно в девять двадцать. До этого времени – всё успеем.

– А кто откроет дверь? – Влад опасался, что Артём снова втянет Славку.

– Один надёжный человек. Видишь ли, техперсоналу платят копейки. А у них тоже есть дети – кормить, одевать, учить. Заработать сразу полугодовое жалованье – очень кстати. Тем более, мы давно дружим.

– Не проболтается?

– Чтобы стать соучастницей? Нет. Будет молчать.

Владу неловко было спрашивать, но всё же он решился:

– Откуда у тебя такие деньги?

Артём нехотя признался:

– Продал несколько экспонатов. Официально – один. Якобы срочно нужно было оплатить учёбу. И, если будут проверять, сумма действительно туда ушла. А про второй меч никто не узнает. Эта сделка как бы не состоялась.

– Умно! – признал Влад. – Главное, чтобы Регин в это время был в школе!

– Будет. Не беспокойся. Главное – обеспечь себе железное алиби на вечер. Справишься?

Глава 19

Жребий брошен

Дома всё было как обычно. Отец занимал ванную, мать накрывала на стол, а братишка валялся на кровати и читал. Любопытно! Сам Влад давно уже не брал книг в руки – некогда стало. Но в Славкином возрасте глотал всё подряд. На всю жизнь начитался!

Он приподнял обложку книги, которую читал брат. На фоне затянутого тучами неба, под которым лётчик в форме военных лет вскидывал руку, то ли приветствуя кого-то, то ли вглядываясь в небеса, он прочёл название: «Б. Н. Полевой. Повесть о настоящем человеке».

– Не рано тебе такое читать? – усмехнулся Влад.

Славка негодующе хмыкнул.

– Нет! Это про лётчиков. Сан Саныч посоветовал.

– Понятно, – вздохнул Влад.

Из ванной появился отец и сразу заметил старшего сына:

– Как дела в университете? Почему так поздно? Славка уже полтора часа как дома!

На первый вопрос Влад даже не стал отвечать – тот был явно риторическим. А на второй ответить пришлось:

– У Сан Саныча комп смотрел. Ещё предстоящий фестиваль долго обсуждали.

– Ничего он мне не передавал?

Влад не смог сдержать улыбки. Наивный отец!

– Жмот он у вас! Пожалел мяча, который сам же мне и обещал! Заметь, я у него ничего не просил!

– Ну забыл человек, – вступилась мать. – Сам же знаешь, сколько у учителей забот.

– Ладно, – смягчился отец, уплетая борщ. – Бог с ним, с мячом. Лишь бы дальше с детьми занимался. Славка вон как загорелся! Глядишь, и этот за ум возьмётся. Опять на него жаловались, не учится!

– Слава, кушать! – крикнула мать, уже уставшая от бесполезных разговоров о Владовой учёбе. – Накрыто уже!

– Сейчас! – отозвался Славка.

– Знаю я твои «сейчас»! Немедленно! А ты чего не ешь? – переключилась она на Влада. – Чего там выискиваешь?

Влад с отрешённым видом ковырялся в тарелке. Как же ему всё это надоело! Эти нескончаемые нравоучения, этот опостылевший быт! Может быть, и правда, взять и…

– Мама, у нас дома есть серебряный нож?

У матери хранилось много разной посуды в серванте, ещё со времён свадьбы.

– Нет, а зачем тебе?

– Опыт хотел провести. Если порезаться таким ножом, кровь останется красной или изменит цвет?

– С чего бы ей менять цвет? – удивился отец.

А мать сразу взъелась:

– О чём ты вообще думаешь?! Опять своих ужастиков насмотрелся?

– Да нет же! – попытался успокоить её Влад. – Просто в одной книжке читал, что кровь в таких случаях будто бы синеет…

– У сифилитиков, может, и синеет! – всплеснула руками мать. – А ты, пожалуйста, следи за тем, что читаешь! Сейчас такого понапишут! Оно и понятно – бумага всё стерпит! А такие лопухи, как ты, всему верят! Но что самое ужасное, потом с умным видом других учат! У нас вон в соседнем доме живёт одна… от инопланетянина беременная!

– Знаю я этого инопланетянина! – встрял в разговор отец.

– А ну-ка?!

Пока мать с отцом отвлеклись, Славка незаметно выскользнул из-за стола с горстью конфет в руке и побежал дочитывать книгу.

«Счастливый», – подумал Влад, глядя ему вслед. И вдруг добавил про себя: «А как я потом буду смотреть ему в глаза?..»

Ночь вместо облегчения принесла новые страдания. Душевные муки от сознания грядущего преступления терзали его, но ещё мучительнее была мысль о Лизе и Артёме. Он едва не сорвался из дома посреди ночи. Метался в постели, сминал простыни и одеяло. Если бы луна в этот момент выглянула из-за туч, он, кажется, не выдержал бы и завыл.

Ему в мельчайших деталях представлялось, как Артём угощает её в ресторане, нежно касается её руки, а она смущённо отводит глаза и тут же смеётся вместе с ним. Гулять в такую погоду? Вряд ли… Хватит ли у Артёма такта не приглашать её к себе? Почему-то казалось, что нет. Не хватит.

И вот они уже у него дома. Артём удивляет её своей коллекцией, усаживает на диван. Нежно прикасается губами к родинке на её щеке, а затем находит её губы. Её губы… такие мягкие, чуть припухшие, вздрагивающие, будто от лёгкого

электрического разряда. Она несмело отвечает на поцелуй. А дальше – о, проклятье! – то самое платье! Он… Он!!! стягивает кружевную бретельку, и её обнажённые плечи доверчиво отдаются его прикосновениям! Ладони скользят по ним, по тонкой шее, спускаясь всё ниже и ниже…

Влад не выдержал и резко вскочил с кровати. Что за дьявольщина! Часы показывали начало четвёртого. Как мучительно долго ещё ждать до утра!

В университет Влад пришёл первым. Он видел, как появлялись преподаватели, здоровался с ними, но сам внутрь не спешил. Одновременно ждал и боялся увидеть двоих счастливых людей, идущих рука об руку.

Каково же было его облегчение и радость, когда он увидел Лизу одну, в компании подружек.

– Привет! – бросил он с наигранным равнодушием, когда она поравнялась с ним.

– Привет, Влад! – Лиза на мгновение замедлила шаг. – Что-то ты рано сегодня.

– Не спалось! – неуклюже ответил он и мысленно выругал себя за нерасторопность. Мог ведь сказать что-то другое! Сделать комплимент, завязать разговор, проводить её… «Не спалось!» Дубина! Теперь момент упущен, придётся снова искать с ней встречи. А Артём… Стоп! Кто сказал, что Артёма с ней не было? Может быть, он просто пропустил её вперёд, а сам идёт сзади и шифруется? Подожду, выясню всё сам.

Влад ждал долго. Уже прозвенел звонок на пару, а Артём так и не появился.

Растерянный, Влад вошёл внутрь. Первой мыслью было немедленно поехать к Артёму домой. Пыл ревности немного поутих, и теперь он искренне тревожился: не случилось ли чего плохого? Хотя, что могло произойти? Скорее всего, Артём сейчас просто занят приготовлениями к операции, и присутствие Влада может ему только помешать. Поэтому Влад решил остаться здесь. Сегодня всё должно идти по плану.

Раздеваясь у гардероба, Влад автоматически сунул руки в карманы, проверить, не осталось ли там чего-нибудь. Вытаскивая руки, он случайно выронил небольшую бумажку, сложенную вдвое. Влад поднял её и развернул. Там мелкими печатными буквами было написано:

«В три часа у меня».

Артём? Кто же ещё?! Но как записка оказалась у него в кармане? Наверное, ещё вчера подложил – другого времени просто не было.

Значит, всё-таки этот день настал…

На пары Влад уже не пошёл. Извинился перед гардеробщицей, поспешно бросил тело в ветровку и вышел на улицу. Захотелось проветрить голову, подышать воздухом. Ноги сами принесли его в Сосновку. Там, среди деревьев, он долго гулял, смотрел на пустой пруд, пытался привести мысли в порядок. Незаметно для себя он потерял счёт времени. Когда он взглянул на часы, до встречи оставался всего час. Казалось бы, следовало поторопиться, но Влад не стал этого делать.

У «корейских идолов», где всегда собиралось много народу, выступали уличные музыканты. Играли они не ради заработка, но если кто-то бросал им пару монет, отказываться не собирались. Этих музыкантов Влад здесь прежде не видел. Играли они так проникновенно, что по коже невольно бежала дрожь. А может быть, песня просто очень точно отражала его состояние – звучала откровением, будто предназначенным именно ему, Владу.

Сегодня ты снова полна красоты, да,
Но я всегда любил самых пустых.
И мне тесно внутри себя, сердце болит,
Но от вас, увы, никак не зависимо.

Я герой, но не ваш;
И вы, может быть, ждёте, но мне на другой этаж.
Я вернусь, коли снова родится повод,
Но сегодня я тут, только чтобы сразиться с драконом.

Кончится всё пусть на том,
Что за славу сейчас крови пустим сполна на пол.
И стены голые, вокруг да около;
И видит Бог – один из нас сегодня потеряет голову.

Сжимаю рукоять горячо,
Обнажаю меч, но уже не помню, для чего давно.
Но не видно ни принцесс и не сокровища,
А он и вовсе не похож на чудовище.

В карманах нашёлся смятый полтинник. Не бог весть что, но всё же…

И нет смысла как такого,

Непонятно вообще, для кого оно!

То ли бьёмся, то ли держим оборону,

Но давно уже не время для драконов…

«Да, – подумал Влад, – для драконов уже не время. Но тогда… для кого?»

– Как ты это себе представляешь? – первым делом спросил Влад, оказавшись у Артёма. – Просто зайдём и убьём его?

– Просто? Было бы здорово! – мечтательно протянул Артём. – Но это вряд ли получится. Иначе мне бы не понадобилась твоя помощь. Он коварен, хитёр и очень силён. Единственные наши козыри – внезапность и Грам, и я намерен использовать их по полной.

Артём положил руки Владу на плечи и заглянул в глаза.

– Вижу, ты колеблешься. Думаешь, я просто свожу личные счёты и использую тебя? Это не так. Во-первых, я тебя не принуждаю. Можешь прямо сейчас уйти и никогда больше не вспоминать об этом. А во-вторых, если всё же решишь остаться, это будет лучше и для тебя. Бросить вызов злу способен не каждый. А уж противостоять ему – и вовсе единицы.

Артём говорил чётко и логично:

– Зло – это паразит. Если его игнорировать, оно прорастает в сознании даже добропорядочных людей и начинает постепенно подменять понятия. В результате чёрное уже не кажется таким уж чёрным, а вскоре и вовсе меняются полюса. Если вчера добропорядочный человек плевался от отвращения на какую-то гадость, то сегодня он относится к ней терпимее. Будь уверен: завтра или послезавтра он уже сам начнёт поступать так же.

Считай, что у тебя выпал уникальный шанс разобраться в себе. Кто ты? Что несёшь в этот мир? С кем ты?

Влад выдержал испытующий взгляд.

– Да, – хрипло произнёс он. – Ты прав. Я с тобой!

Дверь казалась плотно запертой, но под нажимом Артёмкиного плеча неожиданно подалась. Влад столько раз выносил отсюда мусор во время отработок, но никогда не думал, что придётся проникать сюда тайком, в темноте. Тем более с такой страшной целью.

Глава 20

Дракон умер! Да здравствует дракон!

Артём пропустил Влада в тёмное нутро школы, вошёл сам и затянул дверь на болт. Затем они пробрались к кладовке, где обычно собирался техперсонал, и юркнули внутрь.

Эту дверь Артём плотно не закрывал – оставил небольшую щель, чтобы в помещение проникал хоть какой-то свет.

– Ждём, – прошептал он и уселся на аккуратно застеленный топчан.

Влад присел рядом, оглядываясь.

– Интересно, что ты сказал техничке, чтобы она и дверь открыла, и постель постелила?

Хоть в кладовке было темно, даже так Влад увидел, как Артём вспыхнул.

– Да-а… – протянул он смущённо. – Сказал, что встречаюсь с бывшей выпускницей. Намекнул, что она мечтает о романтическом свидании со мной в этих стенах. Тет-а-тет. Ну… ты понял.

Влад ещё раз посмотрел на любовно подготовленное «ложе», на смущённого Артёма… потом на себя – и прыснул со смеху.

– Как-то двусмысленно всё это выглядит!

– Тихо! – шикнул Артём. – Ещё не все ушли.

И правда: вскоре послышалось цоканье каблуков. Это директор с завучами уходили последними. Артём осторожно приоткрыл дверь чуть шире.

– Ну что, все? – разнёсся по школе голос сторожа.

– Нет, – ответила директор. – Кажется, Сан Саныч ещё наверху сидит.

– Как обычно.

– Да. Спокойно отдежурить.

Директорша дала пару последних распоряжений и вышла. Сторож запер за ними двери и отправился в приёмную – туда, где стоял телевизор.

Щелчок. И школьные коридоры наполнил жизнерадостный голос Якубовича:

– Сектор «Приз» на барабане!

– Пора, – шепнул Артём.

– Да, – кивнул Влад. – Пойдём. Я знаю, где он – в том самом кабинете, где я вчера чинил компьютер.

Быстро поднялись на пятый этаж. В конце тёмного коридора из-за двери выбивалась полоска жёлтого света.

Значит Регин был на месте. Работал.

Артём аккуратно расчехлил меч и вошёл внутрь. Влад, не теряя ни секунды, резко захлопнул за ним дверь и тут же защёлкнул дужку замка.

– В чём дело, Влад?! – заорал Артём, бросаясь к двери. Он уже понял, что вместо Регина за столом сидит лабораторный скелет.

– Так нужно, друг! Пойми, я спасаю тебя! Подожди немного – потом выпущу!

Влад услышал, как Артём выругался – крепко, зло. Впервые за всё время их знакомства.

– Что ты наделал, Влад?!

Но Влад уже сбегал вниз.

Регин, как и ожидалось, был у себя – в подвале. Он неспешно докрашивал миниатюрку берсеркера. Даже не повернул головы на вошедшего.

– Артём наверху?

– Да.

– Ты всё сделал правильно. Если честно, не ожидал, что твоя идея со скелетом сработает. Но молодец.

Тонкая кисть в его руке мягко скользила по медвежьей шкуре на плечах воина.

– Уезжайте отсюда. Всё равно он вас найдёт. И убьёт. И рядом уже никого не будет, чтобы его остановить.

Регин горько усмехнулся.

– Откуда у него такая ярость ко мне?

– Для него вы – олицетворение зла.

Регин наконец отложил кисть и поднялся. Его лицо перекосилось в кривой, почти весёлой улыбке.

– Какая чушь… «Олицетворение зла». А что такое зло, Влад? Хочешь – скажу тебе поэтически.

Зло – это всего лишь Великий заместитель Пустоты. Его структура знакома людям, понятна. Без него они не умеют жить.

Они сами пускают его в свою душу. Где не хватает любви – рождается ненависть. Где нет мужества – страх. Где исчезает доброта – появляется злость.

Люди всегда вольны в выборе. Но они неизменно выбирают второе.

Он сделал шаг ближе.

– Даже Артём. Он тоже сделал выбор. Уступил место ненависти. Но как бы он ни пыжился, он не сможет убить меня.

– Почему?

Регин подошёл вплотную.

– Потому что убьёшь меня ты.

Влад замер.

– Что?

– Сейчас поймёшь.

Я устроился в эту школу ради тебя. Таких, как ты, – один на миллион. Найти тебя было непросто.

Я ждал. Ждал, пока ты вырастешь. Наблюдал, помогал из тени, незаметно. Потом появился Славка. Я надеялся, что он тоже окажется… одарённым. Но зря. Потерял время.

Он грустно усмехнулся.

– А понял, что ты готов, тогда… когда увидел твои глаза. На даче. Помнишь?

Влад судорожно сглотнул. Помнил.

– Потом я пришёл к вам домой. Мы поговорили. И я понял: пора. Надо было заняться твоим обучением уже давно.

– Тогда почему не занялись?

– Каюсь. Помнишь, я говорил о десяти годах? У нас их нет. Придётся пойти коротким путём. Назовём это… драконьим интенсивом.

– Что я должен сделать?

– Убить меня.

– Что?! Зачем?!

– Что тут непонятного? – вспыхнул Регин. – Вот нож, вот моя грудь. Бей – прямо в сердце!

Он вложил Владу в ладонь тот самый серебряный нож и грудью упёрся в остриё.

– Это не просто нож. Это ритуальный атам. Если убьёшь им – моя сила и знания перейдут тебе. Всего лишь – нажми.

– Нет… – попятился Влад. – Нет!

– Я слишком долго здесь задержался. Тысячелетия – это тяжёлое бремя. Я устал. Здесь больше нечего искать. Всё повторяется. Всё уже было. Люди, сцены, ошибки – меняется только антураж. Я хочу уйти. Но не в пустоту. Я хочу оставить после себя преемника. Молодого. Сильного. Живого.

Ты знаешь: небо для меня навсегда закрыто. А полёт – это всё, чем живёт дракон.

Он вздохнул.

– Мне незачем больше жить. А тебе – я хочу подарить жизнь. Полную,

сильную, настоящую.

Вся земля и небо станут твоими.

– Нет! – выкрикнул Влад.

Регин поменялся в лице. Стал жёлтым и злым. Не сердобольный учитель сейчас стоял перед ним, а безжалостный, безумный противник.

Регин изменился в лице. Его черты заострились, кожа приобрела болезненно-жёлтоватый оттенок, взгляд стал колючим и злым. Это был уже не доброжелательный учитель, а безжалостный, безумный противник.

– Я так и думал… – процедил он сквозь зубы. – Придётся тебя подтолкнуть.

Он резко выпрямился, и в следующую секунду оказался у платяного шкафа. Бросил на Влада косой взгляд и распахнул дверцы. Там, в окружении подвешенных моделей самолётов, сидела, привязанная к стулу, Лиза. Его Лиза.

Её голова безвольно склонилась на бок. Рот был заклеен скотчем и надёжно заткнут кляпом. Регин грубо выволок её вместе со стулом и встал позади. В его руке сверкнул нож – неизвестно откуда появившийся.

Влад даже дёрнуться не успел, как лезвие оказалось у шеи девушки.

– Надо было сразу, когда я просил! – прошипел Регин. – Теперь я хочу немного… поиграть. Ты же позволишь мне перед смертью развлечься?

– Если ты тронешь её хоть пальцем…!

– Трону, – хладнокровно подтвердил Регин.

Он запрокинул Лизе подбородок, заставив смотреть ему в глаза. Вены на шее бешено запульсировали.

– Нежная, прекрасная. Какие трогательные глаза! А овал лица – почти безупречен.

На самом деле сейчас это было не так. Лиза сотрясалась в беззвучной истерике, тушь чёрными струйками растеклась по щекам, нос покраснел и распух. Но даже в таком состоянии она казалась Владу воплощением совершенства.

– Идеальный выбор на роль Эльзы! Безусловно, находка Артёма. Но сегодня она сыграет в нашей пьесе – с чуть подправленным сценарием! Артём, возможно, подключится позже…

Он медленно провёл рукой по её голове, почти ласково, и неторопливо распустил причёску. Волосы рассыпались по плечам, по спине – каскадом, как шёлк.

– Жалко будет расставаться с такими…

Он собрал пряди в кулак и стал медленно отрезать их ножом, смакуя каждый срез.

– Осторожнее, – хмыкнул он, – рука может дёрнуться…

Лиза в отчаянии пыталась вжаться в стул, но ремни не позволяли. Со слезами и мольбой во взгляде она смотрела на Влада. Каждый раз, когда нож касался кожи, она всхлипывала и зажмуривалась.

– Прекрати! – закричал Влад. – Не трогай её!

– Всё хорошо, – спокойно ответил Регин. – Я просто обещал ей роль. Готовлю к образу.

Прядь за прядью сыпалась на пол.

– Осталась одна маленькая деталь, – произнёс он с весёлой интонацией, продевая лезвие под правую бретельку её платья. На миг замер. Потом резко рванул.

Платье съехало с плеча.

– Вот так гораздо лучше, – прошептал он. – Не находишь?

– Нет!

– Лжёшь! – обрадовался Регин. – Всё, чего хотел я, хочешь и ты! Ты – это я!

– Это ты лжёшь! Мне не доставляет удовольствия мучать девушек!

– Потому что ты ещё…

Он вдруг замолк. Замер, словно что-то услышал. Затем заговорил другим тоном – будничным, уставшим:

– Мне тоже это наскучило. Но пьесу нужно доиграть до конца. И вот – финал! Дракон пожирает бедную девушку.

Это уже было. Влад видел это. Тогда – в сарае.

Но для Лизы всё происходящее стало настоящим шоком. Она издала странный всхлип, дёрнулась, и безвольно повисла на ремнях.

А Регина уже не было.

Перед Владом стоял он – чудовище. Огромный, недочеловек-недозверь. Мутант с длинными, переломленными вперёд руками, с вараньей головой и жёлтыми глазами.

Хорошо, что Лиза потеряла сознание. Она не видела, как звериная пасть медленно наклонялась к её шее. Не видела, как Влад в прыжке преодолел расстояние. Не знал и сам, как нож оказался в спине у Регина. Но знал, как вытащил его и бил снова и снова. Пока это нечто не рухнуло у его ног.

А дальше… случилось нечто странное.

Пол вдруг отдалился от глаз, потолок ударил в лоб, посыпались на пол сломанные полки. Влад почувствовал, как каждый мускул становится чужим.

Хвост – длинный, мощный – дрожал и вытанцовывал в воздухе ритмы, будто

жил своей жизнью.

Хотелось… разбежаться, расправить крылья, взмыть! Чувствовать ветер, рассекать облака, кричать в лицо буре!

«Крылья… Наконец-то!»

Но это был уже не он.

Это Регин.

Он ликовал в нём.

В нём же – и другие. Те, чьи сущности хранились в теле учителя.

Регин обманул. Он не собирался умирать. Он хотел переселиться. Найти новое тело, чтобы снова летать. И Влад не винил его. Они теперь – одно.

Семья.

Они завершат всё. Доскажут сказку. Заберут сокровища. Заберут женщин.

Он взглянул на Лизу. Она лежала без сознания. И это было хорошо. Не нужно убивать.

У её ног – горсть пепла. Всё, что осталось от тела Регина.

Влад переступил с ноги на ногу. Под ним что-то хрустнуло. Он наклонился – сломанная модель самолёта.

С-22. Славкин. Тот самый, над которым тот корпел месяцами. Никогда ему не взлететь. Никому не нужный, глупый самолётик. Чтобы окончательно доломать, он наступил на него ещё раз.

В одном только не соврал Регин: – «Ничто не ново в этом мире!». Даже этот звук приближающихся шагов на лестнице…

---

1 – Лера Московская «Мы – не люди»

2 – Pyrokinesis «Не время для драконов»